

АЙЛИН ВУЛЬФ

ДРУЗЬЯ
И НЕДРУГИ

ТОМ 2

Айлин Вульф

Друзья и недруги. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31505537

SelfPub; 2024

Аннотация

Почему родилось такое название – «Друзья и недруги»? Наверное, потому, что людям свойственно искать дружбы, впадать во вражду и изнушать себя ненавистью. Как складывается дружба, как, не сложившись, оборачивается враждой, в которую оказываются втянуты многие и многие, и к чему в конце концов приводит? К пониманию, что недруг сродни другу, к отрицанию собственной ненависти, к жажде примирения, которая неожиданно оборачивается любовью.

Содержание

Разбитое сердце	5
Глава первая	5
Глава вторая	54
Глава третья	111
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Айлин Вульф

Друзья и недруги. Том 2

*Брат милый,
Таить в себе страданья нету силы.
Меня постиг, невинную, злой рок:
Мой муж ко мне небрежен и жесток.*

Джеффри Чосер

*Так, однажды в лучах зари
Мы закончить войну смогли,
И великий дар меня ждал:
Дав кольцо, пустила, в свой дом;
Жизнь продли мне бог, я б держал
Руки лишь под ее плащом.*

Гийом Аквитанский

Разбитое сердце

Глава первая

Каждую ночь я просыпаюсь до рассвета, долго лежу с закрытыми глазами, вспоминая увиденные сны, прежде чем вернуться к яви и встретить наступление нового дня. Сны мне снятся одни и те же – о детских годах, когда были живы отец и мать, а я была маленькой девочкой, единственной и любимой дочерью. В отличие от меня матушка была плодотворной и родила восьмерых детей, из которых выжили только двое: мой старший брат Брайан, первенец моих родителей, и я, четвертое по счету дитя. Остальные шесть моих братьев и сестер умерли – кто в младенчестве, кто чуть старше. Раньше, молясь за них вместе с матушкой, я всем сердцем жалела их, хотя знала, что они стали ангелами. Ведь смерть пришла за ними, когда они были еще в безгрешном возрасте. Жалея и оплакивая их, я старательно скрывала собственную радость: я-то осталась жива, меня миновали хвори, беспощадные к слабым и беззащитным перед недугами детям. Но в последнее время, поминая в молитвах усопших сестер и братьев, я завидую им, завидую их ранней смерти. Они не познали страданий, которые выпали на мою долю, а мне, грешной,

утратившей детскую невинность, не стать ангелом, и, когда я умру, мой голос не сольется с их голосами, славящими Создателя. Иногда я смиряюсь, иногда ропщу на свой удел, не в силах понять, чем заслужила подобную несправедливость. Ведь я всегда была послушной и любящей дочерью, сестрой и супругой. Но ни смирение, ни роптание ничего не могут изменить в моей судьбе, и, понимая это, я впадаю в оцепенение. Так легче и проще: не видеть, не слышать, не чувствовать. Скоро все так и будет, ведь мой час близится, и при мысли о смерти мне становится то радостно, то страшно. Но ни радость, ни страх ни на что не могут повлиять. Они схожи со мной, мои радости и страхи: я тоже не имею влияния на ход событий. Учиться управлять собственной жизнью для меня уже поздно, да и кто бы меня научил? Мой супруг как-то обмолвился, что это умение либо дано изначально, либо его не постичь, как ни старайся. Пренебрежение, с которым он это произнес, отчетливо показало, что меня он относит к тем, кто не одарен подобным талантом. То, что всегда считалось женской добродетелью, – покорность воле мужчины, будь он отцом, братом или супругом, – обернулось пороком в глазах моего собственного мужа, основанием для презрения к жене – нелюбимой, сумевшей родить единственного ребенка, хотя бы и сына.

Я думаю о прошлом – будущего у меня нет, потому и нет нужды о нем думать. А еще я думаю о двух людях, которые останутся, когда меня уже не будет, о мужчине и женщине,

разбивших мое сердце и уничтоживших меня. Его я не смею упрекать, ни в чем не виню, и дело не в том, что он мой супруг. Просто я до сих пор люблю его, не мыслю себя без него, зная, что он не любит меня, хуже того – презирает, а иной раз мне кажется – ненавидит. Нет, он не выказывает мне ненависти, но я всем своим изболевшимся сердцем чувствую ее – глухую, непримиримую, постоянную. Я знаю, что он ждет моей смерти как своего освобождения, и все равно люблю его и благословляю. Иное дело – эта женщина. Ее я ненавижу так страстно, словно ненависть к ней дает мне силы жить вопреки болезни, и стоит этой ненависти хоть немного утихнуть, как я тут же ослабею окончательно и сойду в могилу. Она – мой враг. Церковь учит нас прощать врагов, но ее я простить не могу. За что? Просто за то, что она существует. Я очень давно не видела ее – с того рокового дня, который окончательно порвал и без того слабые нити приязни моего супруга ко мне, и вряд ли увижу снова. Но она есть, и то, что она живет в счастливом супружестве, окруженная почетом и всеобщим уважением, знатная, в расцвете молодости и красоты, восхищавшей и продолжающей восхищать всех, кто встречался с ней хоть однажды, растравляет еще сильнее мою боль и ненависть к ней – супруге наместника короля в Средних землях, графине Хантингтон.

В далеком Веардруне, где мне никогда не доводилось бывать, она сейчас спит спокойным сном. О чем ей тревожиться – первой даме Средних земель? Спит в объятиях супруга,

который любит ее всем сердцем. История их любви известна всему королевству, и даже мои служанки иной раз шепчутся между собой, вспоминая эту историю как волшебную сказку. И в любви графа Роберта к ней я усматриваю великую несправедливость. За что можно любить эту женщину? Что в ней достойного, кроме красивой наружности? У нее непокорный нрав, она дерзкая, говорит то, что думает, прямо в лицо. Ни благонравия, ни покорности, пристойной для женщины. Говорят, что упражнения с оружием и верховую езду она предпочитает вышиванию и прочим благочестивым занятиям. И это благородная, знатная леди? Она даже не удосужилась подарить супругу наследника, родив дочь! И при всех ее недостатках граф Роберт любит жену.... Почему?! Это выше моего понимания, но я ничего не могу поделать с собой и задаюсь этим вопросом каждый день, каждую ночь.

Моя постель давно стала холодной и одинокой, как могила, так что смерть для меня ничего не изменит. Не все ли равно, где спать в одиночестве и как долго – до утра или беспробудно? Я уже не помню, когда мой супруг в последний раз делил со мной ложе. Год назад лекари из-за моего недуга предостерегли его от супружеской близости, но он и не нуждался в этом запрете. Он оставил меня задолго до того, как я захворала. Брезговал мной, законной супругой и матерью его сына, словно все во мне вызывало в нем отвращение. Потому я и впала в тоску, потому заболела. И всеми своими невзгодами – пренебрежением мужа, болезнью и неумолимо

подступающей смертью – я тоже обязана ей, леди Марианне Рочестер.

Не странно ли, что с будущим мужем и с женщиной, укравшей у меня любовь и уважение супруга, я познакомилась в один и тот же день? Провидение подсказывало мне, что в одновременном знакомстве и с ним и с ней кроется нечто роковое, но я не услышала и не разглядела этой подсказки.

Мой брат Брайан обручился с дочерью шерифа Ноттингемшира, и я приехала на празднование его обручения в Ноттингем из Лондона, где жила при дворе принца Джона и служила его супруге, с которой он потом развелся ради женитьбы на Изабелле Ангулемской. Моя матушка происходила из рода Лончемов, которые сильно возвысились, приобретя власть и богатство благодаря моему дяде Уильяму. Сам он, будучи епископом Илийским, стал и верховным судьей Англии, и канцлером при короле Ричарде, и даже был удостоен чести стать папским легатом. Достигнув вершин власти, дядя Уильям неустанно трудился на благо семьи. Мой другой дядя, сэра Озрик, получил должность шерифа Йоркшира, дядя Джон стал аббатом, двоюродный дядя Гесберт – епископом Герефордским. К несчастью, дядя Уильям не поладил с принцем Джоном. Их разлад зашел так далеко, что принц изгнал дядю Уильяма из Англии, но больше никого из нашей родни милости не лишил. Более того, дядя Роджер

оказался в чести у принца, став едва ли не его наперсником, и дядя Уильям отнюдь не сердился на брата. Напротив, он считал, что ради процветания семьи необходимо, чтобы кто-то из Лончемов всегда был при царственной особе, будь то король Ричард или принц Джон. Дядя Уильям не покладая рук занимался на континенте делами короля, а дядя Роджер в то же самое время исполнял поручения принца Джона, который вовсе не жаждал возвращения брата. Казалось бы, дядя Уильям и дядя Роджер, исполняя противоположные воли короля и принца, должны были впасть во вражду, но так мог подумать лишь тот, кто не знал наших семейных устоев.

Я приехала в Ноттингем вместе с дядей Гесбертом. После гибели моего отца и вскоре последовавшей смерти ма-тушки именно он опекал меня с отеческой заботой. Ему я обязана тем, что оказалась в близком окружении леди Иза-беллы Глостер, супруги принца. Дядя Роджер добирался до Ноттингема отдельно от нас, а дядя Озрик отклонил пригла-шение, сославшись на дела и не забыв послать щедрые по-дарки Брайану и его невесте. Дядя Гесберт сказал, что дя-дя Озрик слукавил: он просто недолюбливает сэра Рейнолда, шерифа Ноттингемшира, и о помолвке Брайана с леди Клод дядя Озрик высказался с большим неодобрением. Я не очень вникала в то, что мне по дороге рассказывал дядя Гесберт. Брат, которого я горячо любила и почитала, решил, что ле-ди Клод достойна стать его женой, значит, так тому и быть. А дядя Озрик всегда в нашей семье стоял наособицу и поз-

волял себе суждения, которые шли вразрез даже с мнением дяди Уильяма.

В Ноттингемском замке я первым делом встретила Брайана и от души пожелала ему счастья. Он представил меня своей невесте, и, расцеловав леди Клод, я поклялась себе, что полюблю будущую жену брата самой горячей сестринской любовью. Дядю Роджера я увидела, когда пришло время трапезы, и там же, в трапезной, он представил меня сэру Гаю Гисборну. Когда сэр Гай склонился над моей рукой, я почувствовала, как сердце сначала куда-то провалилось, а потом забилось невообразимо быстро. Сэр Гай был очень хорош собой! Высокий, статный, с правильными чертами лица, обаятельной улыбкой, властным взглядом темно-ореховых глаз, он очаровал меня с первой минуты знакомства. Я старалась вести себя скромно и с достоинством, как и положено хорошо воспитанной девушке из знатного и могущественного рода. Но мне стоило больших усилий просто отвечать на его вежливые вопросы, трудной и утомительной ли была дорога, понравился ли мне Ноттингем, бывала ли я прежде в Средних землях. Мое горло пересыхало от волнения.

А вот леди Марианна не привлекла моего внимания. Красивая? В зале было много красивых девушек, да и я сама в ту пору была очень пригожей, чтобы меня поразила ее внешность. Я забыла о ней, едва нас представили друг другу и мы с ней обменялись учтивыми, ничего не значащими фразами, и вспомнила только по окончании трапезы, когда меня при-

влек какой-то спор между дядей Гесбертом и дядей Роджером – судя по выражениям их лиц, весьма горячий. Я подошла ближе и услышала очень недовольный голос дяди Гесберта:

– Наихудший выбор, Роджер! Оставь эту затею – ты с ней не справишься! Согласен, она способна напустить на себя такой кроткий вид, что ее можно принять за ангела, но она далеко не ангел!

– Я уже все про нее разузнал, Гесберт, – очень спокойным тоном возразил дядя Роджер. – Да, у нее есть странности и причуды, несвойственные девице. И все же она именно девица, а значит, слабее мужчины, и я с ней справлюсь. Не сомневайся!

– Дозволено ли мне узнать, о чем вы так жарко спорите? – вежливо спросила я, не очень надеясь на то, что меня посвятят в подробности разговора.

Но дядя Гесберт был на грани того, чтобы выйти из себя, и потому ответил в сердцах:

– Твой дядя Роджер вознамерился вступить в брак!

– Что же в этом плохого? – удивилась я. – Дядя Роджер долго вдовеет, ему впору задуматься о новой женитьбе.

– То, что он выбрал из всех девиц самую неподходящую для супружества!

– Кто же она, избранница дяди Роджера? – спросила я, и дядя Гесберт раздраженно указал на леди Марианну.

На этот раз я всмотрелась в нее внимательнее. Она была

занята беседой, и не с кем-нибудь, а с сэром Гаем, что мне не понравилось, а то, что он был очень увлечен разговором с ней, не понравилось еще больше. Я презрительно оттопырила губу и с укоризной посмотрела на дядю Роджера:

– И вы унижитесь до брака с девицей из саксонского рода? Вы же Лончем! А кто она?

– А она из рода Невиллов. Да, Беа, это саксонский род, но очень древний и не менее знатный, чем наш. Еще она сестра графа Линкольна, который в милости у короля Ричарда, и племянница правителя Уэльса. Земли Невиллов обширны, и у нее очень большое приданое. Если тебе недостаточно того, что я назвал в качестве достоинств леди Марианны как моей будущей супруги, то прими во внимание, что она мне по сердцу и я женюсь на ней. Это решено, Гесберт, и не о чем больше спорить.

– Ты уже сделал ей предложение? – вдруг поинтересовался дядя Гесберт.

– Еще нет.

– Тогда и впрямь не о чем спорить. Сначала сделай, а потом уже восхваляй ее достоинства. До сих пор она никому не ответила согласием, и отчего ты решил, что станешь исключением?

Дядя Роджер в ответ лишь улыбнулся уверенной и самодовольной улыбкой, при виде которой дядя Гесберт насмешливо покачал головой:

– К тому же у тебя есть соперник, если ты еще не заметил.

Он моложе тебя, привлекательнее и обладает возможностью уделять ей куда больше времени, чем ты. Ведь он, как и она, живет здесь, в Средних землях, а ты в Лондоне.

Я поняла, на кого намекает дядя Гесберт, и мое хорошее настроение окончательно испарилось бы, если бы не дядя Роджер.

– Мы с ним уже обсудили это затруднение, и он сам заявил, что не видит себя моим соперником в борьбе за благосклонность леди Марианны.

– Мало ли что он тебе говорил! – не сдавался дядя Гесберт. – Больше доверяй собственным глазам, Роджер. Что они сейчас видят?

Дядя Роджер тоже бросил взгляд на леди Марианну и сэра Гая, которые продолжали что-то обсуждать и пересмеиваться, и хладнокровно пожал плечами:

– Ничего, что бы меня встревожило, Гесберт, я сейчас не увидел. Леди Марианна станет моей женой, а сэр Гай найдет себе другую невесту. Вот, например, наша племянница, чем не достойная пара ему?

– Неплохо было бы спросить, что думает об этом сама Беа, – проворчал дядя Гесберт.

– Она весь вечер ест Гая глазами, – рассмеялся дядя Роджер. – Так надо ли еще и спрашивать вслух?

Я почувствовала, как залилась горячим румянцем до самых ушей. Я думала, что мои взгляды – сдержанные, украдкой, из-под ресниц – никто не заметил. Но для дяди Роджера

мои уловки не оказались тайной, а для самого сэра Гая?

– Не красней так, Беа, – сжалился надо мной дядя Роджер и ласково погладил по щеке. – Ты у нас завидная невеста. Ведь за тобой стоят все Лончемы, а наша поддержка дорогого стоит! Гай очень умен и практичен, чтобы не понимать твоей ценности на ярмарке незамужних девиц.

– Возможно, – ответила я, взяв себя в руки и стараясь говорить так же хладнокровно, как дядя Роджер. – Но мне бы доставило удовольствие, если бы внимание обращали на меня саму, а не на выгоды брака со мной.

Теперь уже рассмеялся дядя Гесберт:

– Вот как, Беа? Ищешь сердечных чувств? Но ведь одно не мешает другому. Ты у нас очень красивая девушка, ничуть не уступишь той же леди Марианне, в которую так опрометчиво влюбился Роджер, изменив обычной для него рассудительности.

Ночью я долго не могла заснуть. Слишком много новых людей, впечатлений, открытий! На следующий день был назначен турнир. Мой милый брат, к несчастью, накануне повредил руку и, к своей большой досаде, не мог принять в нем участие. Чтобы смягчить, хотя бы отчасти, огорчение Брайана, леди Клод заявила, что не будет выбирать рыцаря, который бился бы в ее честь, и не позволит победителю, кем бы тот ни оказался, провозгласить ее королевой турнира. Это было очень достойно и учтиво с ее стороны – проявить подобную лояльность к будущему супругу. Я искренно восхи-

щалась поступком леди Клод, но не могла не признаться самой себе, что в моем восхищении есть и доля корысти. Раз леди Клод заранее отказалась от привилегий своего положения – турнир-то был затеян в ее честь! – то любая другая девушка могла быть избрана победителем для увенчания короной королевы Любви и Красоты. Что если победит сэра Гай и вдруг он остановит свой выбор на мне? Мое сердце сладко щемило от этих мыслей. Но тут же я вспомнила, как он весь вечер провел возле леди Марианны, ни разу не обратив на меня внимания, и мои мечты улетучились, чтобы через недолгое время вернуться вновь. Ведь дядя Роджер сказал, что намерен жениться на ней, а если он что-то решил, то другим остается лишь смириться с его волей и подчиниться. Значит, леди Марианна не представляет для меня опасности в борьбе за внимание сэра Гая. Напротив, мне следует познакомиться с ней ближе и держаться со всей любезностью, раз она скоро станет женой дяди Роджера и моей тетушкой. С такими благими помыслами я и уснула.

Перед началом турнира я постаралась занять место рядом с леди Марианной. Мы успели переброситься несколькими вежливыми словами, когда начались поединки рыцарей и наш разговор оборвался, толком не начавшись. Леди Марианна утратила внешнюю холодность, очень оживилась и наблюдала за поединками с большим азартом. Да и мое внимание поглотило то, что происходило на ристалище.

Спустя недолгое время стало очевидным, что самыми

сильными турнирными бойцами были сэра Гай и мой дядя Роджер. Они не извели ни одного поражения, и мне было очень интересно, кто из них выйдет бы победителем, вызови они на бой друг друга. Родственные чувства требовали, чтобы я желала победы дяде Роджеру, но мое сердце было целиком на стороне сэра Гая. К счастью, в одиночных поединках они ни разу не сразились между собой, возможно, заранее об этом условившись.

Улучив подходящий момент, я поинтересовалась мнением леди Марианны, кто все-таки станет победителем турнира. И вот тут леди Клод, сама того не желая, сильно огорчила меня! Она не дала леди Марианне и слова сказать, безапелляционно заявив, что кто бы ни победил, сэра Гай или мой дядя Роджер, королевой турнира в любом случае станет леди Марианна. Дядя Роджер и в самом деле по завершении каждого поединка оказывал леди Марианне знаки почтения, которые она игнорировала с полным безразличием, наверное, еще не догадываясь, сколь серьезны намерения могущественного лорда Роджера Лончема в отношении ее особы. Но сэра Гай и она ни разу не обменялись даже взглядом, не то что приветственным жестом. Она аплодировала его победам так же, как победе любого другого рыцаря, а сэра Гай не склонял перед ней копьё, не удостаивал отдельным поклоном. Почему же леди Клод решила, что, победи сэра Гай, он непременно выберет леди Марианну? «Потому, милая Беатрис, что сэра Гай давно избрал леди Марианну своей Прекрас-

ной Дамой и служит ей преданно и неустанно», – так ответила леди Клод, добавив, что это обстоятельство известно всему Ноттингемширу. Куртуазная любовь, поняла я, вот что связывает сэра Гая с леди Марианной. И все же ответ леди Клод, хотя и немного успокоил меня, показался странным. Ведь по всем куртуазным канонам рыцарю надлежит испытывать подобное чувство исключительно к замужней даме, а леди Марианна – девица. Вспомнив вчерашний разговор дяди Роджера и дяди Гесберта, я подумала, что сэр Гай знает о намерениях дяди Роджера, а потому уже сейчас выказывает леди Марианне любезную учтивость, как если бы она была замужем. Поразмысли я еще чуточку – и сообразила бы, что решение дяди Роджера созрело совсем недавно, а леди Клод утверждала, что о поклонении сэра Гая леди Марианне известно каждому в Ноттингемшире. Увы, я не уловила этого противоречия и услышала не то, что было сказано, а то, что пожелала услышать.

Началась вторая половина турнира, где рыцари вступали в сражение не поодиночке, а двумя отрядами, и я позабыла о леди Марианне. Один из отрядов возглавил дядя Роджер, второй – сэр Гай, и они оба направили коней в нашу сторону. Дядя Роджер, разумеется, склонил копьё перед леди Марианной, и она была вынуждена ответить на этот знак величайшего почтения. А сэр Гай неожиданно, прямо как в моих мечтаниях, опустил копьё к моим коленям. От волнения я едва не порвала свой шарф из тончайшего шелка, пока по-

взяывала его вокруг копыя сэра Гая.

Конечно, он победил, и я радовалась его победе, одновременно сочувствуя дяде Роджеру. Но мое сочувствие затмилось упоением, которое я испытала, когда сэр Гай поднес мне на острие копыя корону королевы Любви и Красоты, а после преклонил передо мной колено, чтобы я возложила на его голову венец победителя. Глашатаи славил доблесть сэра Гая, возносили хвалу моей красоте, и совместное звучание наших имен показалось мне счастливым предзнаменовани-ем. Мне даже стало немного жаль леди Марианну, которая, как я считала, испытывала грусть и зависть ко мне.

Сэр Гай отказался смотреть на состязание лучников и отпра-вился в свой шатер освежиться после сражения и сме-нить доспехи на обычную одежду. Пока он отсутствовал, я витала в светлых и радостных мечтах и не следила за стрел-ками. Вокруг меня все было как в тумане, и я краем глаза увидела победителя – высокого старого лучника, но не при-слушивалась к его разговору с сэром Рейнолдом, пока луч-ник не пожелал, чтобы награду ему вручила непременно ле-ди Марианна. Свое пожелание он высказал громко и твердо, вызвав негодование отца леди Марианны, которое я разде-лила всем сердцем. Пусть она и саксонка, но все-таки знат-ная и благородная девица, чтобы ею так беззастенчиво по-мыкали. Но, к моему удивлению, леди Марианна отнеслась неожиданно благосклонно к прихоти убеленного сединами старца и не только вручила ему награду, но и нашла для него

учтивые слова и самые добрые пожелания. Я никак не могла понять, что стало причиной подобной доброжелательности, особенно если вспомнить, с каким равнодушием она отнеслась к знакам внимания дяди Роджера. Оказалось, что мой дядя Гесберт, решив преподать ей урок смирения, потребовал от леди Марианны исполнить просьбу старого лучника, сам не зная, чем обернется его урок.

А обернулся он громким скандалом, когда стало известно, что этим лучником был предводитель знаменитых шервудских разбойников, именовавших себя вольными стрелками лорда Шервуда. Узнал его сэр Гай, вернувшийся к гостям сэра Рейнолда, когда лучник уже торопился уйти. Но узнал не сразу, и промедление оказалось роковым. Пусть сэр Гай и отправил ратников в погоню, но они не сумели настигнуть лучника, и вместо лорда Шервуда сэр Рейнолд получил письмо, прочитал его и передал сэру Гаю. И вот тут произошло нечто невиданное: сэр Гай переменялся в лице и с такой непозволительной грубостью обрушился на леди Марианну, что дядя Гесберт, при всей нелюбви к ней, был вынужден вступить и сказать, что она всего лишь подчинилась его настоянию. Леди Марианна выслушала упреки сэра Гая с холодным высокомерием, после чего покинула нас и в сопровождении небольшой свиты отправилась в Ноттингемский замок. Сэр Гай, минуту помедлив, бросился следом за ней. Я увидела, как он догнал леди Марианну и поймал ее руку, которую она немедленно высвободила. Тогда он опустил перед ней на

колени, прямо в жижу из талого снега и грязи, низко склонил голову и поднес к губам край ее плаща. Леди Марианна что-то сказала ему, и он тут же поднялся, заговорил быстро и сбивчиво и подал ей письмо лорда Шервуда, словно оно могло послужить оправданием допущенной им грубости. Леди Марианна прочитала письмо и вдруг рассмеялась, а сэр Гай снова вспылил. Я смотрела на них во все глаза и совершенно не понимала, что происходит. Если это куртуазная любовь к Прекрасной Даме, то сэр Гай изобрел какие-то новые каноны, о которых еще никто не знает!

К обеду я постаралась принарядиться, ведь сэр Гай как мой рыцарь проводит меня за стол и займет место рядом со мной. Так все и вышло, но мне казалось, что сэр Гай вообще не обратил внимания ни на мой наряд, ни на меня саму, словно делить со мной трапезу было для него долгом, а не удовольствием. Он почти не занимал меня беседой и оставался очень мрачным. Не придумав лучшего способа привлечь его внимание, я сказала:

– Никогда бы не подумала, что известный всей Англии лорд Шервуда так стар!

– Известный всей Англии! – с нескрываемым гневом повторил сэр Гай и, наконец соизволив посмотреть на меня, усмехнулся: – Нет, дорогая леди Беатрис. Он вовсе не старейший, мы с ним ровесники.

– А как же седина, старческие пятна на коже? – поразила я.

– Притворные, как и хромота, которую он утратил, едва отошел подальше. Для него не составит труда принять любое обличье. Возраст легко угадать по рукам, но ведь он скрыл их под перчатками для стрельбы, – объяснил сэр Гай и в сердцах выдохнул: – Оборотень! Хотел бы я знать, зачем ему понадобилось так рисковать, появившись на этом турнире!

– Возможно, он просто решил позабавиться? – предположила я, радуясь, что разговор завязался и сэр Гай оживился, хотя и оставался мрачным.

– Позабавиться? – хмыкнул он и, сощурив глаза, покачал головой: – Нет, леди Беатрис! Вы, похоже, наслушались о лорде Шервуда разных историй, а они далеко не всегда правдивы. Он вовсе не такой бесшабашный, каким его описывает молва. Для подобного риска должен быть какой-то расчет. Понять бы, что за цель он преследовал!

– Полагаю, все объясняется просто, – вступил в беседу дядя Гесберт. – Его привлекла серебряная стрела, обещанная в награду победителю среди лучников.

Сэр Гай долго молчал, потом очень неопределенно пожал плечами и сказал так, словно сомневался в собственных словах:

– Возможно, вы и правы. Все-таки стрела Веланда, святыня саксов.

Если бы не дурное настроение сэра Гая, обед показался бы мне очень веселым, ведь нас развлекали жонглеры и акробаты, шуты смешили своими дурачествами, менестрели

улаждали слух музыкой и песнями. В самом конце обеда сэр Рейнолд вдруг попросил леди Марианну спеть. Он высказал просьбу очень учтиво, но мне она показалась неуместной. К моему удивлению, к просьбе сэра Рейнолда присоединились почти все гости, даже мой брат. Я была уверена, что леди Марианна откажется, но она согласилась. Ей подали лютню, и она запела. В трапезной воцарилась тишина, в которой звучал только ее голос, и он был таким чарующим, что я сама не заметила, как заслушалась пением. На лютне она играла виртуозно, много искуснее любого из менестрелей. Внимая ей, я краем глаза увидела, как преобразилось лицо сэра Гая. От мрачности не осталось и следа. Он неотрывно смотрел на леди Марианну и, казалось, почти не дышал. Мое сердце кольнула ревность. Ведь он был сегодня моим рыцарем, не ее! Поэтому я, перед тем как идти спать, нашла дядю Роджера и во всех подробностях рассказала ему обо всем, чему была сегодня свидетельницей.

Дядя Роджер, к моему удивлению, ничуть не огорчился и, рассмеявшись, потрепал меня по щеке:

– Ревнуешь, малышка? Не стоит!

– Но, дядя, он опустился перед ней на колени, в грязь, лишь бы она простила грубость, с которой сэр Гай с ней прилюдно разговаривал!

Дядя Роджер снисходительно пожал плечами:

– Беа, сэр Гай восхищается леди Марианной и не скрывает своего восхищения. Но в беседе со мной он признался, что

не видит в ней качеств, необходимых для доброй супруги. Леди Клод сказала тебе правду: он любит ее как Прекрасную Даму, служит ей как верный рыцарь, но и только. Ни у тебя, ни у меня нет причин не то что для ревности, а даже для волнения.

Как же мы с ним заблуждались! А в ту минуту я, успокоенная его словами, лишь спросила, сделал ли он предложение леди Марианне и когда будет свадьба. В том, что она ответит согласием, я не сомневалась.

– Сделаю завтра, – ответил дядя Роджер. – Хотел сегодня, но, поскольку я потерпел поражение и не смог поднести ей на копье венец королевы турнира, постольку счел неуместным просить ее руки этим днем.

Я смутилась и огорчилась: ведь корона досталась мне. Заметив мое смущение, дядя Роджер снова рассмеялся и поцеловал меня в лоб.

– Не красней, Беа! Все сложилось, как ты и мечтала. Мечты юных девушек должны сбываться, а взрослые мужчины вроде меня сами устраивают свою жизнь так, как считают нужным.

Поговорив с дядей Роджером, я вновь решила сойтись с леди Марианной ближе, раз уж она скоро пойдет под венец с моим дядей и станет первой дамой в нашей семье. Поэтому на следующий день около полудня я навестила ее. Леди Марианна встретила меня приветливо, но я заметила, что она куда-то собирается.

– Вы заняты и я пришла не вовремя? – спросила я.

– Я хотела прогуляться по торговым лавкам, но могу отложить прогулку, – ответила леди Марианна. – Чем вызван ваш визит, леди Беатрис? Делом или желанием скрасить досуг?

– Я слышала много лестных слов о вас от моего дяди Роджера и решила познакомиться с вами поближе, – сказала я со всей возможной откровенностью.

Она посмотрела на меня и улыбнулась.

– Если ваше желание более близкого знакомства вызвано предложением руки и сердца, которое мне сегодня сделал ваш дядя, то я должна сразу предупредить вас: я отказала ему.

От такой прямой речи, совершенно несвойственной девицам и дамам, я слегка оторопела. Судя по выражению ее странных серебристых глаз, мое замешательство не осталось незамеченным.

– Чем я вас шокировала, леди Беатрис? Тем, что отклонила предложение вашего дяди, или тем, что сказала об этом?

– И тем и другим, – вынужденно призналась я.

Она беспечно рассмеялась и пожала плечами, словно хотела сказать, что мое замешательство ее ничуть не волнует. Я собиралась спросить, почему она отказала дяде Роджеру, понимает ли, какие выгоды сулит ей брак с ним, и как вообще можно оставаться такой безмятежной, отказав одному из влиятельнейших лордов при дворе принца Джона! Но я ни о чем не успела спросить леди Марианну, потому что внезапно

пришел сэр Гай. Он был одет в расчете на зимнюю непогоду и явно собирался покинуть стены замка.

– Леди Беатрис! Леди Марианна! – поприветствовал он нас, учтиво склонив голову.

Мне показалось, что леди Марианну удивило его появление, так же как и меня, потому что она вопросительно и довольно прохладно посмотрела на сэра Гая. Мне же в голову вдруг пришла шальная мысль: что если он пришел в поисках меня? Но я тут же укорила себя в неразумности: зачем он в таком случае был в меховом плаще, да и вряд ли он стал бы искать меня с подобной бесцеремонностью! Его слова, обращенные к леди Марианне, подтвердили, что я оказалась бы слишком самоуверенной, если бы возомнила, что он искал меня:

– Мы же условились, что я буду сопровождать тебя.

Леди Марианна промолчала, продолжая смотреть на сэра Гая долгим задумчивым взглядом. Он глубоко вздохнул и спросил голосом, полным раскаяния:

– Неужели ты до сих пор сердисься на меня? Ведь я выполнил твою просьбу, а ты откажешься исполнить мою? Несправедливо, принцесса!

Леди Марианна повела глазами в мою сторону и любезно предложила:

– Леди Беатрис, не желаете ли присоединиться к нашей прогулке?

Конечно, я желала, и очень! Но встретившись глазами с

сэром Гаем, я увидела в них предостережение.

– Благодарю вас, леди Марианна, но мне не хочется гулять в такой холод, – ответила я и, услышав сорвавшийся с губ сэра Гая вздох облегчения, не удержалась, чтобы не уколоть леди Марианну, в которой опять увидела соперницу: – Да и что особенного можно найти в ноттингемских лавках, чего нет в Лондоне?

– Наверное, ничего, – легко согласилась со мной леди Марианна и рассмеялась: – Куда нам, обитательницам Средних земель, тягаться со столичными модницами!

Я так и не поняла, было ли ее замечание ответным уколом или она говорила искренно, но все три дня нашего знакомства наряды и украшения леди Марианны демонстрировали ее безупречный вкус. Даже служанка, присутствовавшая при этом разговоре, но не участвовавшая в нем, была одета едва ли скромнее своей госпожи. Раз уж я не могла принять участие в прогулке сэра Гая и леди Марианны, то, махнув рукой на приличия, решила поболтать с этой девушкой, зная, что прислуга любит посплетничать о господах. Поэтому, когда сэр Гай и леди Марианна ушли, я обратилась к служанке как можно любезнее:

– Дорогуша, расскажи-ка мне о своей госпоже все, что знаешь сама. Раз уж нам с ней доведется породниться, я должна понимать, с кем имею дело.

Служанка ответила взглядом, от которого меня оторопь взяла. Даже супруга принца Джона не умела смотреть с та-

ким достоинством, а ведь леди Изабелла была одной из самых знатных дам Англии, не в пример этой простолюдинке.

– Леди Беатрис, у меня нет привычки судачить о ком бы то ни было, и в первую очередь – о леди Марианне, – холодно заметила девушка.

– Но есть привычка дерзить, что еще менее пристало доброй служанке, – заметила я ледяным тоном, чтобы поставить негодницу на место.

Она же ответила так, что пристыженной оказалась я:

– С чего вы взяли, что я служанка? Я приемная дочь барона Невилла и названная сестра леди Марианны. Мои родители были благородного происхождения, и у вас нет никакого права разговаривать со мной в подобном тоне!

Смутившись, я поторопилась принести извинения, которые были приняты не слишком теплым кивком. Осведомившись об имени собеседницы, я примирительно сказала:

– Леди Клэрэнс, не считайте мое любопытство грубой бестактностью. Ведь леди Марианна станет супругой моего дяди сэра Роджера Лончема, и я всем сердцем хочу подружиться с ней.

– Вы же слышали, что она отказала вашему дяде, – пожала плечами леди Клэрэнс. – Так есть ли необходимость искать ее дружбы?

Я с трудом подавила снисходительный смех.

– Конечно, она отказала не всерьез. Многие девушки считают нескромным принимать предложение с первого раза.

– Леди Марианна не относится к числу жеманниц, – ответила леди Клэрэнс и плотно сжала губы, давая понять, что больше не скажет о леди Марианне ни слова, поскольку и так разговорилась сверх меры.

Понимая, что доверительной беседы не получится, я простилась с высокомерной девицей и отправилась на поиски дяди Роджера, но вместо него нашла дядю Гесберта.

– Не ищи его сейчас, детка, – посоветовал он, когда я спросила, где дядя Роджер. – Он только что разговаривал о леди Марианне с ее отцом и пребывает не в самом добром расположении духа.

– Неужели и барон Невилл ответил ему отказом? – до крайности изумилась я. – Да быть такого не может!

– Нет, Беа, сэр Гилберт не ответил отказом, а сказал, что предоставил дочери право самой избрать себе супруга. А вот она Роджеру отказала, о чем, как я понял, ты уже знаешь. Роджеру бы и покончить на этом, но он закусил удила. Я пытался вразумить его и услышал лишь то, что леди Марианна рано или поздно даст согласие вступить с ним в брак, – с досадой сказал дядя Гесберт.

– Отец предоставил леди Марианне свободу в выборе мужа? – переспросила я, не веря своим ушам, и, когда дядя Гесберт кивнул, удивилась: – Никогда не слыхала о подобном! Вот почему у нее такой независимый вид! Как же мне к ней подступиться?

– А зачем тебе к ней подступаться? – напряженным голо-

сом спросил дядя Гесберт.

Я поделилась с ним своими соображениями, и он погладил меня по голове, при этом зло покривив губы:

– Ты хорошая девушка, Беа, и чтить интересы семьи, но я хочу предостеречь тебя от дружбы с леди Марианной. Если она все-таки станет женой Роджера, в чем я сильно сомневаюсь, и тогда не сходишь с ней близко, а сейчас вообще держись от нее подальше.

– Она не нравится вам, дядя?

– Очень не нравится, Беа. Я не вижу в ней ни одного достоинства, которыми должна отличаться добрая и покорная мужу жена. Она дерзкая, своенравная, от нее никогда не знаешь, чего ожидать, а кроме того, у меня есть подозрение, что она занимается магией.

– Вы считаете ее ведьмой? – спросила я с замирающим сердцем: никогда прежде мне не доводилось встречать настоящую ведьму.

– Язычницей, – ответил дядя Гесберт, – что в моих глазах приравнивает ее к ведьме.

– Если она такая, то почему дядя Роджер стремится получить ее в жены? – с недоумением спросила я.

Дядя Гесберт замялся – было видно, что я коснулась чего-то, что ему было и неловко, и неприятно объяснять мне.

– Потому что он не может получить ее иначе, а если бы мог, то и речи бы не вел о женитьбе, – выдавил из себя дядя Гесберт.

Я поняла, что он подразумевал, и от смущения загорелась румянцем. Дядя Роджер испытывал к леди Марианне сильные плотские желания, настолько сильные, что готов был вести ее к алтарю. Возможно, она и вправду ведьма, а дядя Роджер околдован ею? Вот только зачем она его околдовала, если ответила отказом? Впрочем, я слышала, что ведьмы могут околдовать просто ради забавы. Неужели и сэр Гай стал жертвой ее чар?

Я спросила дядю Гесберта, что он думает о странных отношениях сэра Гая и леди Марианны. Не приворожила ли она его? Дядя Гесберт посмотрел на меня как на маленькую и очень глупую девочку, словно сам минутой раньше не говорил о том, что подозревает леди Марианну в занятиях магией.

– Сэр Гай, Беа, жертва собственного непонимания природы леди Марианны. Он исподволь приручает ее и думает, что приручит. Только он ошибается. Никогда пантера не превратится в кошку! Даже если она замурлычет, нельзя поручиться в том, что через миг не оскалит клыки.

Я почувствовала себя сбитой с толку. Сэр Гай приручает леди Марианну? Зачем?

– Чтобы жениться на ней, разумеется, – ответил дядя Гесберт так, словно говорил о погоде.

– Но ведь дядя Роджер сказал, что сэр Гай тоже не видит в ней качеств, необходимых доброй супруге, и уверил его, что не станет соперничать с ним в борьбе за ее руку!

– Он и не соперничает, – усмехнулся дядя Гесберт. – Леди Марианна сама отказала Роджеру, значит, ее рука остается свободной, и, если она вдруг протянет ее сэру Гаю, то почему он будет не вправе принять ее?

После такого откровения я истерзалась ревностью и уже без зазрения совести дала волю неприязни к леди Марианне. Дядя Гесберт был умен и наблюдателен, я верила ему безоговорочно и в том, что он говорил о леди Марианне, и, увы, в отношении истинных намерений сэра Гая. Но я никак не могла взять в толк, зачем сэр Гай добивается ее, если сам же считает леди Марианну негодной к супружеству? К моему великому облегчению, барон Невилл и леди Марианна на следующий день покинули Ноттингем, и мне стало легче дышать. Ведь сэр Гай остался. Впрочем, отсутствие леди Марианны не очень нас сблизило: с утра до позднего вечера сэр Гай был поглощен делами графства, словно шерифом Ноттингемшира являлся не сэр Рейнолд, а именно он. И все же во время трапез мы с ним сидели рядом, он был учтив и любезен со мной, занимал меня разговорами, и такой малости было достаточно, чтобы я вновь уносила неведомо куда в мечтах о нем.

Мой милый брат Брайан предложил мне остаться в Ноттингеме до его свадьбы с леди Клод, назначенной на апрель. Дядя Роджер, вернувшись в Лондон, испросил позволения у леди Изабеллы, и она милостиво разрешила мне гостить у брата так долго, как я сама пожелаю.

Для меня наступило счастливое время, которое мы проводили очень весело, занимая себя то охотой, то верховыми прогулками. Я не слишком хорошо держусь в седле, но старалась не отставать от Брайана и леди Клод. А уж сэр Гай был таким великолепным всадником, что даже Брайан не мог с ним сравниться! Мы с леди Клод очень сдружились, и я радовалась тому, что брат сосватал такую замечательную девушку. И я влюблялась, с каждым днем сильнее и сильнее влюблялась в сэра Гая. Мне нравилось в нем все: стать, поступь, мгновенные, все примечающие взгляды темно-ореховых глаз, улыбка, преображавшая обычно замкнутое лицо, красивое мужской красотой. Смех, голос – все в нем пленяло и кружило мне голову. Конечно, я старалась не выдать своих чувств, вела себя скромно и осмотрительно. Но Брайан, как и я, восхищавшийся сэром Гаем, что-то подметил и однажды шепнул мне, что мечтал бы породниться с ним через его брак со мной. Одобрение старшего брата добавило мне уверенности. Все дни, прошедшие от помолвки Брайана до венчания, я ни разу не видела леди Марианну, сэр Гай никогда не упоминал ее имени, и я позабыла о ее существовании, впервые усомнившись в правильности суждений дяди Гесберта.

Единственным, что напоминало мне о ней, были известия от дяди Роджера, который не отказался от желания жениться на леди Марианне. Дядя Гесберт сказал, что за два месяца он посватался к ней трижды, и она трижды отказала ему. Но я знала, каким упорным бывает дядя Роджер в достижении

своих целей, и была уверена в том, что он добьется согласия леди Марианны, раз уж ей довелось стать такой целью. Я всей душой желала дяде Роджеру удачи, но больше ради себя, чем ради его блага. Ведь если он женится на ней, значит, сэра Гай будет искать другую невесту, и – кто знает? – возможно, его выбор падет на меня. Каждый день я в молитвах просила Всевышнего даровать мне в супруги сэра Гая. Ведь тогда я еще не знала, как ярость способна исказить его лицо, как резко и зло может звучать его голос. Впрочем, нет, знала: он был таким, когда в гневе из-за неудачи в поимке лорда Шервуда грубо разговаривал с леди Марианной. Но по наивности я не думала, что он способен быть грубым и со мной.

Безмятежность нашей жизни смутило одно событие, произошедшее в самом начале марта. Оно бы прошло мимо меня, если бы не леди Клод, которая, пользуясь доверием сэра Рейнолда, получала известия от него, то есть из первых рук. Возбужденно блестя глазами, она поведала мне о том, что мой дядя Роджер, отчаявшись добиться согласия леди Марианны, устроил ее похищение! Ей каким-то образом удалось сбежать от его людей, и отец леди Марианны потребовал от сэра Рейнолда призвать дядю Роджера к ответу за похищение благородной девицы. Сэр Рейнолд, испытывая к барону Невиллу самую теплую дружескую приязнь, тем не менее отговорил его от разбирательства дела, убедив в том, что, кроме слов леди Марианны, никаких иных доказательств уча-

ствия дядя Роджера в ее похищении нет.

– Конечно, отец не сомневается, что ее похитили люди сэра Роджера, но не хочет ссориться из-за леди Марианны ни с сэром Роджером, ни с епископом Гесбертом, – говорила леди Клод. – Она сама виновата! Разве девице пристало проявлять столь непростительное упорство, отказываясь от лестного для нее брака с таким могущественным лордом, как твой дядя Роджер?

Я подивилась и тому, какую сильную страсть леди Марианна внушила дяде Роджеру, что он прибег к подобному способу заполучить ее, и ловкости, с которой леди Марианна ускользнула от его слуг. А уж они у дяди были очень толковыми и бдительными! Укор, прозвучавший в голосе леди Клод, навел меня на мысль, что будущая жена Брайана не очень-то жалуется леди Марианну, о чем я вскользь заметила.

– Мне она совершенно не нравится! – ответила леди Клод. – Я веду себя с ней любезно только ради соблюдения приличий и из уважения к дружбе, которой мой отец одаривает сэра Гилберта. На мой взгляд, леди Марианна слишком много мнит о себе. Подумай, Беа! Недавно ей минуло восемнадцать лет, а она до сих пор не замужем. Столько знатных лордов искали ее руки, а она всем отвечала отказом! Почему? Считает себя достойной только графа или даже принца? И занятия, которыми она увлекается, никак не подходят девушке ее положения. Книжки, что она читает, годятся для мужского ума, а не для женского. Увлечение медициной за-

вело ее так далеко, что прошлой осенью она почти на месяц затворилась в охваченном мором селении, где сама лечила больных, пока не подхватила от них заразу. Выздороветь ей помогло не иначе как чудо! Вот ты можешь понять такой поступок?

Я согласилась с леди Клод, что знатная девица не должна позволять себе подобного поведения.

– Я вообще не понимаю, что в ней находят мужчины! – продолжала леди Клод, воодушевленная нашим единомыслием. – Стоит ей появиться, как они начинают пялиться на нее, забыв обо всем. Не так уж она ослепительно хороша, чтобы ее славили первой красавицей Средних земель. К счастью, Брайан тоже не находит в ней ни особенной красоты, ни должного благонравия.

– А сэр Гай? – осторожно спросила я.

Леди Клод бросила на меня понимающий взгляд и беспечно махнула рукой:

– Даже не думай об этом! Он как-то обмолвился, что ему доставляют удовольствие беседы с ней. Дескать, она умна и ее суждения интересны и необычны, а сэр Гай любит все необычное. Но в жены девушек выбирают совсем по иным качествам, Беа. В первую очередь жена должна повиноваться мужу, а ты можешь себе представить, чтобы леди Марианна кому-то подчинилась? Пример твоего дяди Роджера свидетельствует об обратном. Сэр Гай очень умен, чтобы заблуждаться в натуре леди Марианны, и в супруги он ее никогда

не выберет, поверь мне! Ведь не выбрал же до сих пор. Да он пока и не намеревается связывать себя брачными узами!

– Почему, Клод? – спросила я, затаив дыхание. – Ведь ему двадцать шесть лет. Брайану минул двадцать один, но вы скоро поженитесь. А чего ждет сэр Гай?

Леди Клод сострила милую гримаску и пожала плечами:

– Откуда мне знать? Возможно, он приглядывается к тебе, Беа. Не уступая леди Марианне красотой, ты-то как раз обладаешь всеми достоинствами, которые любой мужчина желает обрести в жене.

Она подмигнула мне, и я, разомлев, подумала: ах, если бы слова леди Клод да Богу в уши!

Леди Марианну мне довелось снова увидеть только в дни торжеств по случаю венчания Брайана с леди Клод. Едва я заметила ее, как мое праздничное настроение тут же омрачилось. Опять мне придется наблюдать за ней и сэром Гаем, вместо того чтобы веселиться и радоваться счастью новобрачных! Но первые два дня забот не доставили. Сэр Гай после венчания Брайана и леди Клод тут же покинул Ноттингем по каким-то делам, а леди Марианна показалась мне отстраненной и очень задумчивой. Иногда она едва заметно хмурилась, словно праздник был ей не в радость. Вот и оставалась бы в своем Фледстане, раз уж ей в тягость блестящее общество знатных лордов и леди!

Третий день торжеств оказался так насыщен событиями, что к вечеру у меня голова пошла кругом. Утро началось с

того, что дядя Роджер в моем присутствии заявил дяде Гесберту о высочайшем изволении принца Джона на брак дяди Роджера с леди Марианной, и теперь ни ее отцу, ни ей самой не остается ничего, кроме как смириться. Дядя Роджер прямо-таки светился, но дядя Гесберт не разделял его радость.

– Мой тебе совет, Роджер, – сказал он, – не торопись говорить им то, что сейчас заявил мне, пока у тебя не будет на руках письменного подтверждения воли принца.

Судя по выражению лица дяди Роджера, он без должной серьезности воспринял совет дяди Гесберта – и напрасно, как показали дальнейшие события этого дня.

Тем же утром в Ноттингем вернулся сэр Гай, присоединившись к гостям. Если в соборе во время бракосочетания Брайана и леди Клод он перемолвился с леди Марианной от силы двумя-тремя словами, то на этот раз, едва войдя в празднично убранную трапезную, он сразу устремился к ней, завел какой-то разговор и даже взял ее за руку, что мне совсем не понравилось. Я попыталась подобраться к ним ближе и услышать, о чем они говорят, но сэр Гай так зорко поглядывал по сторонам, что мое присутствие не осталось бы им незамеченным, и мне пришлось довольствоваться только тем, что открывалось глазам, но не ушам. Когда я увидела, как он поднес ее руку к губам, а потом прижал к своей груди, накрыв ладонью, я с отчаянием подумала: в эту минуту он, несомненно, делает ей предложение. Но стоило мне предположить подобное, как выражения их лиц изменились и раз-

говор стал очень похож на ссору. Она даже вырвала у него руку, а он что-то ей ответил, гневно искривив губы, и у меня отлегло от сердца.

Но ссорился он с ней или нет, за столом сэра Гай предпочел занять место возле нее, а не рядом со мной, к чему я уже привыкла, пока она вновь не оказалась в Ноттингеме. Лицо сэра Гая было очень мрачным. Леди Марианна, напротив, улыбалась и даже смеялась, уделяя все внимание незнакомому мне рыцарю, который сидел по ее другую руку. Мне думалось, сэра Гай должен был оскорбиться пренебрежением, выдаваемым ему леди Марианной, но, сердитый и хмурый, он не выглядел оскорбленным, словно она могла вести себя как угодно, только это ничего не меняло.

До начала обеда леди Клод попросила леди Марианну спеть какую-нибудь песню о любви в честь новобрачных. Как и в прошлый раз, леди Марианна не стала отказываться и пела она, нельзя не признать, восхитительно. Но, пока она пела, сэра Гай смотрел на нее очень странно. Казалось, что ее пение вовсе не очаровало его, а, напротив, заставило о чем-то задуматься и даже встревожиться. Вот и за обедом он все время о чем-то напряженно думал, потому, наверное, и не придавал значения оживленной беседе, которую вела леди Марианна с другим соседом по столу.

К моему великому огорчению, и не столько за себя, сколько за брата и леди Клод, праздничный обед, устроенный в их честь, был сорван невообразимым происшествием. Сэр Рей-

нолд пожелал показать нам всем, словно редкостного зверя, захваченного в плен шервудского разбойника. Мало того что этот разбойник вел себя очень дерзко, так его еще и плохо обыскали. В его сапоге оказался припрятан нож, который он метнул не в кого-нибудь, а в сэра Гая и ранил его. Разбойника, конечно, тотчас убили, но праздник был безнадежно испорчен. Морщившийся от боли сэр Гай, мертвое тело, распростертое на полу в луже крови, – какой уж тут обед! Поднялась такая суматоха, что о новобрачных и думать забыли. Леди Марианна увела сэра Гая, пожелав перевязать ему рану, и ее поступок выглядел не слишком пристойным: будто в замке не было врачей, которые справились бы с лечением сэра Гая ничуть не хуже леди Марианны. Она и впрямь слишком много мнила о себе!

Следом за леди Марианной и сэром Гаем пошел барон Невилл, а чуть погодя, не слушая возражений и увещаний дяди Гесберта, туда же устремился и дядя Роджер.

– Роджер, не делай этого! Не сейчас! – крикнул ему в спину дядя Гесберт, на что дядя Роджер ответил:

– Они покинут Ноттингем, если я промедлю еще хотя бы минуту, и кто знает, что она и ее отец успеют предпринять!

Я так и не поняла, что же произошло после, лишь услышала об отъезде барона Невилла и леди Марианны из Ноттингема, увидела, как дядя Роджер прошел мимо меня с таким страшным, искаженным гневом лицом, что я не осмелилась ни о чем спросить его. С дядей Гесбертом и сэром Рей-

нолдом, который был глубоко опечален собственной затеей, испортившей праздник его единственной дочери, дядя Роджер уединился возле оконной ниши. Я не удержалась, подобралась как можно ближе и спряталась за высокой спинкой массивного кресла, тут же услышав гневный голос дяди Роджера:

– Почему никто из вас не сказал мне, что леди Марианна помолвлена?!

– Это случилось очень давно, сэра Роджер, – подавленным тоном ответил сэра Рейнолд. – Да и к чему помнить о том, чему не бывать? Тот, с кем она была обручена, никогда не станет ее супругом. Его нет, и дело с концом.

Дядя Роджер разразился проклятиями.

– Нет? А Невилл во всеуслышание усомнился в гибели ее нареченного, и Гай заявил, что разделяет его сомнения!

– В таком случае Невиллу известно больше, чем нам! – в сердцах бросил дядя Гесберт и примирительно добавил: – Роджер, Невилл просто не нашел иного способа защитить дочь от твоих притязаний. Все Средние земли знают, что тот, о ком внезапно вспомнил Невилл, погиб, обороняя свой замок. А Гай... Я ведь предупреждал тебя, что Гай преследует собственные интересы.

Повисло долгое молчание.

– Не знаю! – наконец раздался уже не грозный, а удрученный голос дяди Роджера. – Положим, ты прав в отношении Невилла, но я не могу поверить, чтобы Гай лгал, да еще мне

в лицо. Говорите, погиб? Могу я потолковать с тем, кто видел его мертвым? Узнать, где он был погребен?

– Сэр Роджер, замок был взят с огромным трудом. Даже когда удалось открыть ворота, его защитники не сложили оружие, а продолжили сражаться за каждую пядь земли и погибли все до единого. Сеча была страшная, после нее остались груды изрубленных тел, залитых кровью. Он был одет простым ратником, и как его было опознать среди прочих?

Слушая тягостный рассказ сэра Рейнолда, я невольно задрожала, воочию представив жуткое зрелище, и порадовалась, что мне выпало родиться женщиной. Пусть женщины более низкие существа в сравнении с мужчинами, зато нам не приходится проливать кровь в сражениях, мечи не уродуют наши тела и лица.

– Стало быть, мертвым его никто не видел. Выходит, сэр Гилберт справедливо усомнился в его гибели, а я напрасно обвиняю во лжи и его, и Гая, – мрачно сказал дядя Роджер. – Если нареченный леди Марианны жив и, объявившись с правом, которое ему дает обручение, потребует ее в жены, как я оправдаюсь перед принцем? Гесберт, ты понимаешь, в каком затруднительном положении я оказался?

– Я тебя предупреждал: не спеши, но ты мне не внял, – невозмутимо ответил дядя Гесберт. – Теперь же я прошу тебя успокоиться. Мертвым его никто не видел, говоришь? Но будь он жив, то где же пропадает столько лет? Нет, Роджер, никаких затруднений я не вижу. Помолвка? А кто о ней слы-

шал, кроме нас? Сомнения в его гибели? Выброси их из головы и ничего не говори принцу. Скажу больше, тебе эта помолвка и твои сомнения только на руку: с их помощью ты сможешь аннулировать брак с леди Марианной, если супружество с ней разочарует тебя, – а так и будет, поверь мне! Сделаешь вид, что случайно узнал о ее давнем обручении, усомнишься в смерти ее нареченного и громогласно заявишь об этом, а после признания брака недействительным отправишь леди Марианну в монастырь, где уже я позабочусь о ней.

– Как и о ее приданом? – хмыкнул дядя Роджер.

– Уверен, мы придем с тобой к соглашению в этом вопросе, – рассмеялся дядя Гесберт.

– Все это славно, лорды мои, – вновь вступил в разговор сэр Рейнолд, – но вы забываете о Гилберте Невилле, а он не позволит обойтись с дочерью так, как вы задумали.

– Ничего, мы – вы и я – объясним сэру Гилберту, что ему лучше не твердить о давнем обручении леди Марианны, если он не хочет выставить на посмешище и себя, и дочь. Ее брак с Роджером при условии умолчания о той помолвке – более достойный выход, – уверенно заявил дядя Гесберт.

– Остается уповать на то, что Невилл прислушается к разумным доводам, – почти благодушно проворчал дядя Роджер и тут же снова вскипел: – А как быть с Гаем, вставшим плечо к плечу с Невиллом против меня?!

– В этом ни сэр Рейнолд, ни я тебе не помощники, – от-

резал дядя Гесберт. – Сам улаживай разногласия с Гаем.

– Я из него душу вытрясу, но добьюсь правды! – пообещал дядя Роджер.

Послышался звук удаляющихся шагов. Украдкой выглянув из-за кресла, я увидела, как дядя Роджер покидает трапезную, и понадеялась, что сэр Рейнолд и дядя Гесберт последуют за ним, но они не торопились уходить.

– Ну-ну! – с угрюмой усмешкой сказал сэр Рейнолд. – Хотел бы я увидеть, как ваш брат попытается вытрясти из Гая то, чего у него нет и в помине, – душу!

– Вот как! Отчего же вы отказываете мне в том, чем Создатель одаряет каждого человека? – раздался в ответ веселый голос.

Сэр Гай! Я быстро нырнула обратно за спинку кресла, лишь бы он не застал меня за подслушиванием и не стал думать обо мне дурно.

– Лорды мои, я удивлен! Почему до сих пор ни один из вас не поведал мне, что леди Марианна помолвлена, а главное – с кем? – сэр Гай повторил почти слово в слово вопрос, ранее заданный дядей Роджером. – Кстати, и леди Марианна сегодня впервые услышала, что связана словом.

Мне показалось, что сэр Гай, упрекая дядю Гесберта и сэра Рейнолда, в то же время был весел, словно его что-то сильно позабавило.

– Интересно, – между тем продолжал сэр Гай, – а он помнит, что обручен с ней? Да еще так обручен, что, считай, по-

что обвенчан!

– Надеюсь, сын мой, ты в отличие от моего брата не считаешь, что он решит заявить права на леди Марианну? – с иронией осведомился дядя Гесберт.

– Кто знает, что он решит! – ответил недобрым смешком сэр Гай. – Пока он жив, помолвка сохраняет силу несмотря ни на что. И все же, сэр Рейнолд! Почему вы столько лет молчали, зная об этом обручении?

– Давнишнее дело! Ей в день обручения было восемь лет, ему шел шестнадцатый год – сколько воды утекло с тех пор! Я попросту забыл, – буркнул сэр Рейнолд, наверное, не найдясь, как вразумительнее отвести упрек сэра Гая.

Тот, должно быть, подумал так же, поскольку в его голове прозвучало притворное сочувствие:

– Годы дают о себе знать! Раньше вы не жаловались на память.

– Как бы то ни было, Гай, в деле с леди Марианной он не опасен, – раздраженно сказал сэр Рейнолд.

– Заблуждаетесь, как обычно. Он всегда опасен – каждую минуту, в любом деле, – холодным тоном возразил сэр Гай. – Надеюсь, сэр Роджер остался в неведении?

– Разумеется, сын мой. Ни ему, ни принцу ни к чему глубоко вникать в заботы Средних земель.

– Весьма благоразумно! – одобрил сэр Гай. – Но как поведет себя Гилберт Невилл? Его спор с сэром Роджером не оставил у меня ни малейших сомнений: Невилл прекрасно

осведомлен не только о том, что нареченный леди Марианны жив, но и где тот сейчас пребывает.

– Я потолкую с ним. По-дружески, – с тяжелым вздохом сказал сэр Рейнолд. – Гилберт – человек рассудительный, поймет, что сегодня повел себя опрометчиво.

– Верно! – согласился дядя Гесберт. – Пусть он и потворствовал своеволию дочери, но два имени в одно в разговорах с ней не свяжет, чтобы она не узнала больше того, что открылось ей сегодня.

Голоса стали удаляться, и я наконец-то смогла пошевелиться. От долгой неподвижности ноги так онемели, что еще чуть-чуть – и я упала бы, выдав себя, чем вызвала бы справедливые упреки и – самое ужасное! – неуважение сэра Гая. Отважившись, я выглянула из-за кресла и увидела сэра Рейнолда, сэра Гая и дядю Гесберта в дверях трапезной. Больше в ней никого не осталось, кроме слуг, замывавших кровавые пятна на каменных плитах пола. Пристроившись в том же кресле, я задумалась о том, что услышала.

Очень интересно! Оказывается, леди Марианна обручена, о чем и сама не догадывалась. С кем же ее помолвили? Жаль, что имя ее нареченного никто не назвал! Но как все странно! Сперва сэр Рейнолд и дядя Гесберт убеждают дядю Роджера в том, что нареченный леди Марианны мертв, а в его отсутствие беседуют с сэром Гаем совершенно о противоположном, да еще так, словно каждый из них лично знаком с тем, о ком шла речь. И какие могут быть в Средних землях за-

боты, не стоящие внимания принца Джона, но, судя по всему, сильно беспокоящие и сэра Рейнолда, и дядю Гесберта, а прежде всего сэра Гая? «Он всегда опасен – каждую минуту, в любом деле», – вспомнила я отзыв сэра Гая о человеке, с которым оказалась обрученной леди Марианна.

Кто же это? Почему дядя Гесберт, зная, что он жив, заведомо толкает леди Марианну на грех двоемужия, который она неминуемо совершит, если выйдет замуж за дядю Роджера без расторжения той помолвки? А ведь речи о ее расторжении они вообще не вели! В чем заключается трудность расторгнуть помолвку?

Размышляя о том, кто же был нареченным леди Марианны, я подсчитала в уме его лета. Выходило, что сейчас он ровесник сэру Гаю. Произнеся в уме это слово, я неожиданно вспомнила, как сэр Гай точно так же зимой говорил о предводителе шервудских разбойников: «Мы с ним ровесники». Мысль была настолько нелепой, что я едва не расхохоталась. Не мог же барон Невилл обручить дочь с сыном какого-то йомена или виллана, который впоследствии совершил некое преступление, за что и оказался вне закона? Но узнать, с кем обручена леди Марианна, мне очень хотелось. Сперва я решила обратиться с расспросами к дяде Гесберту, но вовремя опомнилась. Ведь мне пришлось бы признаться, что я подслушивала. И я решила прибегнуть к помощи леди Клод. Пусть завтра спросит у сэра Рейнолда. Ее-то никто не заподозрит в подслушивании: все видели, как она вместе с Брай-

аном ушла в спальню, где их ждала первая брачная ночь. А слухи о сегодняшнем скандале могли дойти до ее ушей – от слуг, например.

Утвердившись в своем плане, я решила навестить сэра Гая. Полученная им рана – очень удобный предлог повидать его и справиться о самочувствии. Сказано – сделано, и я поспешила к покоям, которые занимал сэр Гай. Дойдя до двери его комнат, я заметила, что она приоткрыта, и услышала два мужских голоса. Один принадлежал сэру Гаю, второй был мне знаком, но я не вспомнила, чей он.

– Что тебе непонятно, Джеффри?

– Чтобы исполнить отданный вами приказ правильно, мне следует понимать причину, по которой вы его дали, сэр Гай. Иначе вы получите самые пространные доклады, в которых будет описано множество хворых людей, посещающих Фледстан в поисках ее помощи как травницы и целительницы. Вам ведь известно, что она не отказывает никому, кто нуждается в лечении.

Я поняла, кто был собеседником сэра Гая. Джеффри – командир его ратников и молочный брат. Разговор шел опять о леди Марианне, и любопытство одолело меня с новой силой. Наверное, этим днем я была обречена на подслушивание, и, махнув рукой на благонравие, я замерла в тени двери, стараясь не пропустить ни слова.

– Хорошо, имена и описания черни, толкущейся возле Фледстана, меня и впрямь не интересуют, – после долгого

молчания сказал сэр Гай. – Ты помнишь вороного жеребца леди Марианны?

– Славящегося своей резвостью на все графство? Разумеется, милорд. Отменный конь!

– Значит, ты вчера узнал ее вороного?

Недолгое молчание, потом очень короткий, как будто сделанный через силу ответ Джеффри:

– Да, милорд.

– Как же ее конь оказался у него под седлом?

Отважившись прильнуть глазом к узкой щели между дверью и косяком, я увидела, как Джеффри пожимает плечами:

– Могу лишь предположить.

– Сделай милость!

– Он вызволил ее из обители, куда леди Марианну спрятали люди Роджера Лончема, а она в благодарность за спасение отдала ему самого резвого жеребца из конюшен Фледстана.

– Самого резвого или своего, Джеффри?

– Это имеет значение?

– Больше, чем ты думаешь. Да, и она мне сказала слово в слово то, что ты только что говорил: благодарность за спасение.

– Но вы почему-то усомнились в ее словах?

Сэр Гай, сидевший до этого в кресле, рывком вскочил на ноги и заходил по комнате из угла в угол.

– Не сомневался, пока не услышал сегодня ее пение. Джеффри, она влюблена, и я почти уверен, в кого именно.

Она подарила ему не самого резвого коня, а своего! Куда более явный знак, чем шарф, брошенный на копьё! Все, что мне нужно от тебя, – узнать, встречаются они или нет!

– Милорд, это невозможно! – воскликнул Джефффри.

Сэр Гай резко остановился, смерил его взглядом и мрачно усмехнулся.

– Почему? Пришел же он за ней в ту обитель, да еще нескольких ратников уложил в считанные мгновения, и все ради нее.

– Вам же известно, что осенью он дал приказ своим людям оберегать леди Марианну от любой беды. Она попала в беду, и он сам выполнил собственный приказ, вот и все.

– Не все. Он нашел время и для разговоров с ней, а говорил он обо мне, Джефффри. Предостерегал ее от меня. Зачем, если она ему безразлична? Какое ему дело, оказывает она мне предпочтение или нет? Почему он вообще отдал тот приказ?

– Все графство восхищалось ее самоотверженностью в борьбе с мором, поразившим Руфффорд. Он не стал исключением.

Сэр Гай яростно помотал головой.

– Нет, Джефффри! Говорю тебе, она влюблена, впервые за все время, что я ее знаю. У нее даже взгляд сегодня иной раз становился таким, что я видел перед собой его, а не ее. Она смотрела на меня и не видела, словно смотрела насквозь, как это делает он. Говоришь, их встречи невозможны? Пусть так,

но они могут обмениваться посланиями. Выследи гонца, перехвати письма, доставь их мне, – отрывисто приказывал он и, вспомнив о чем-то, рассмеялся очень злым смехом. – Да! Ты же не знаешь того, что узнал я! Они помолвлены, Джефффри. Их обручили лет десять назад. Она об этом не знала, но он, я уверен, не может пребывать в неведении о том, что касается его самого, и если она небезразлична ему...

Лицо Джефффри омрачилось, он задумался над тем, что ему доверил сэр Гай, потом тихо, но очень твердо сказал:

– Милорд, позвольте дать вам совет: отступитесь от леди Марианны. Если ваши подозрения верны и она обручена с ним, о чем теперь знает...

– Отступиться?! – сэр Гай прорычал так, что я отшатнулась от двери. – Отступиться, чтобы он получил ее? Чтобы и в этом он взял надо мной верх? Никогда! Впредь не смей давать мне подобных советов. Ступай прочь и займись тем, что я приказал тебе. Не спускайте глаз ни с Фледстана, ни с нее самой за пределами его стен.

Я поняла, что Джефффри сейчас выйдет в коридор и столкнется со мной нос к носу. Чтобы избежать встречи с ним, я подхватила пышный подол платья и на цыпочках стремглав бросилась бежать. Оказавшись в своей спальне, я прогнала служанок и с ногами, не раздеваясь, забралась на кровать. Мое сердце билось так сильно, что было готово выпрыгнуть из груди, и я с трудом отдышалась.

Что же происходит? Значит, у леди Марианны есть таин-

ственный защитник, который помог ей бежать от людей дяди Роджера? И этот защитник и есть ее нареченный? В таком случае понятно, почему он приказал своим людям оберегать леди Марианну: ведь она его невеста. А теперь сэр Гай заподозрил, что она влюбилась в своего спасителя? Но ведь это так естественно – влюбиться в того, кто тебя спасает из плена! И сэр Гай почему-то очень не любит этого человека, так сильно не любит, что думает не о леди Марианне, а о нем. Не дать ему одержать верх и в этом... Значит, прежде нареченный леди Марианны одерживал верх над сэром Гаем? В чем и когда? Чтобы понять, надо узнать его имя. Ох, все это казалось мне таким таинственным, романтичным, так волновало мое воображение, что я и думать забыла о ревности. Лишь бы скорее узнать имя!

Увы, леди Клод ничего не смогла выведать у сэра Рейнолда. Выслушав дочь, он приказал ей немедленно забыть все, что она узнала, и никогда не доискиваться ни имен, ни подробностей давней истории с помолвкой леди Марианны. Так и осталось мое любопытство неудовлетворенным.

А вскоре случился целый сонм непонятных и страшных событий. Дядя Роджер наконец получил письменный приказ принца Джона о браке с леди Марианной и занял Фледстан. Барон Невилл погиб от стрел шервудских разбойников, а его дочь исчезла. Дядя Роджер и сэр Гай неожиданно уехали в Лондон. Когда я подступилась с вопросами к дяде Гесберту, он впервые в жизни накричал на меня, запретив упоминать

само имя леди Марианны. Считай, что она мертва, сказал он. Леди Клод попыталась что-нибудь разузнать у сэра Рейнолда, но, как и я, потерпела неудачу. Мы с ней упросили Брайана помочь нам, полагая, что с ним и дядя Гесберт, и сэр Рейнолд будут более откровенны, но куда там! Оба наотрез отказались объяснить, что же произошло, и нам с леди Клод пришлось смириться с неведением, надеясь на будущее, которое однажды приоткроет завесу тайны, сокрывшую судьбу леди Марианны.

Я начала подумывать, не вернуться ли в Лондон, ко двору леди Изабеллы. Признаюсь, мысль о том, что в Лондоне находится сэр Гай, сильно подогрела мое желание оказаться поближе к нему. Даже при всей любви к Брайану я больше не видела смысла оставаться в Ноттингеме. У брата была молодая жена, и он уделял леди Клод времени больше, чем мне. Я почти собралась обратиться к дяде Гесберту с просьбой о возвращении в Лондон, как вдруг Брайан получил послание от сэра Гая. Ознакомившись с ним, он улыбнулся и протянул письмо мне со словами:

– Чем ему ответить, Беа? Согласием, отказом или просьбой о времени на раздумье?

Я развернула пергамент, вчиталась и сначала не поверила глазам, а потом меня охватило несказанное счастье. В письме сэр Гай просил у Брайана моей руки.

Глава вторая

Рассвело, пропели петухи за окном, и я очнулась, вернувшись из прошлого в настоящее. В спальне появилась служанка с водой для умывания, я поднялась с кровати. Служанка помогла мне умыться, расчесала и заплела мои волосы, что не заняло много времени. Это раньше у меня была густая копна длинных каштановых кудрей, а за время болезни она сильно поредела. Девушка спросила, какое платье я желаю надеть, и я вдруг захотела облачиться в наряд, в котором венчалась с Гаем. Не выказав удивления, служанка принесла мне платье из пунцового бархата, отороченное по вороту кружевами с золотой нитью, а по краям рукавов и подола – мехом куницы. До сих пор мех блеснул как новый, да и золото в кружеве не поблекло, шелковая туника, специально сшитая к этому платью, сияла свежестью и ничуть не пожелтела, чего нельзя было сказать обо мне. Мои волосы давно перестали радовать взгляд блеском, а лицо приняло нездоровый землистый оттенок. И туника, и платье оказались сейчас мне велики, а когда-то были впору, и стоило мне в день венчания появиться в этом наряде, как все гости не смогли сдержать восхищения и наперебой твердили, что я неотразима и они в жизни не видели невесты прекраснее.

Когда служанка закончила зашнуровывать платье, я подо-

шла к зеркалу. На миг мне поверилось, что сейчас я увижу прежнюю юную Беатрис в расцвете пятнадцати лет. У той Беатрис блестяли карие глаза, кожа соперничала белизной со сливками, румяные губы улыбались в преддверии счастья, грудь была высока и полна, шея и руки округлы. Отражение в зеркале показало мне ту, которой я стала, какой была сейчас. Испуганные потускневшие глаза, чахоточный румянец на ввалившихся скулах, потрескавшиеся бледные губы, кости выпирающих из-под кожи ключиц, худая шея, истончившиеся руки, груди же не было вовсе. Я поймала в зеркале сочувственный взгляд служанки. Встретившись со мной глазами, девушка тут же отвернулась.

– Сэр Гай скоро выйдет в трапезную? – спросила я.

– Он уже позавтракал, миледи, – ответила служанка. – Подать и вам завтрак или вы спуститесь в трапезную?

Зачем мне идти туда, где его нет?

– Я не голодна.

– И все же вам надо поесть, – мягко и настойчиво возразила служанка. – Обязательно надо, миледи!

Она принесла творог со вбитыми в него сырыми яйцами, теплый хлеб, молоко и ласково усадила меня за стол. Я принялась за еду, чувствуя, как сжимается горло, противясь всему, что я глотала. Но я продолжала есть и вспоминала, опять вспоминала...

Дорога в Лондон показалась мне много длиннее, чем раньше. Брайан посмеивался, замечая мое нетерпение, а дядя Гесберт был почему-то невесел, бросал на меня странные взгляды и тяжело вздыхал. Не выдержав, я спросила:

– Дядюшка, почему ты печалишься? Разве ты не рад за меня?

Он улыбнулся и накрыл мою руку ладонью.

– Конечно, рад, Беа. Вернее, буду рад, если при встрече с сэром Гаем уверю в то, что он исцелился.

– Разве ему нездоровилось? – встревожилась я. – Что за хворь с ним приключилась?

Дядя Гесберт усмехнулся и впервые за все это время произнес имя, которое сам же запретил мне упоминать:

– Леди Марианна – вот название его недуга, Беа, и я очень надеюсь, что решение о браке с тобой он принял обдуманно, а не повинувшись сиюминутному порыву.

Моя радость померкла, и я с беспокойством посмотрела на дядю Гесберта, осмелившись спросить:

– Вы же говорили, она все равно что мертва.

– Так и есть, дитя мое, – подтвердил дядя Гесберт с новым глубоким вздохом. – Для всех, и для сэра Гая тоже, о чем он сам мне сказал. Но, отвергнув ее, сумел ли он позабыть о ней? Ради твоего счастья, Беа, я очень на это надеюсь!

Признаюсь, его слова сильно меня опечалили. Заметив это, дядя Гесберт поцеловал меня в щеку и поспешил исправить допущенную оплошность:

– Я не сомневаюсь, Беа, что прошлое похоронено навсегда и что и ты, и сэр Гай обретете счастье в браке. Постарайся как можно скорее порадовать его наследником, а потом и другими детьми. Женщины в нашей семье плодовиты, так что у тебя не возникнет сложностей, лишь прилежно исполняй супружеский долг! – при этих словах я невольно покраснела, и дядя Гесберт рассмеялся: – Ну-ну, малышка! В супружеской близости нет греха, если ее целью являются дети. Я очень люблю тебя, Беа, и всем сердцем желаю добра и тебе, и сэру Гаю.

Когда мы наконец добрались до Лондона и я встретила с сэром Гаем, предвкушение счастья вернулось ко мне. Он был мил и любезен как никогда. На следующий же день Брайан подписал с ним договор о нашем обручении и условился о дне венчания. До этого дня оставался месяц – так много, чтобы ждать, и так мало, чтобы достойно подготовиться к свадьбе! За обедом в узком семейном кругу сэр Гай сидел рядом со мной и ласково пожимал мне руку, чем возносил меня на небеса. Он улыбался, его глаза были теплыми, даже нежными, и мне было очень хорошо. К тому же беседа, завязавшаяся за десертом, показала, что вовсе не сэр Гай вспоминает о недавнем прошлом.

– Что нового в Средних землях, Гесберт? – незначашим тоном спросил дядя Роджер.

– А что тебя интересует? – осведомился в ответ дядя Гесберт, показывая, что деланое безразличие, с которым был

задан вопрос, отнюдь не ввело его в заблуждение.

Лицо дяди Гесберта приняло каменное выражение, и дядя Роджер сдался:

– Слышал ли ты что-нибудь о леди Марианне?

– Слышал ли я о ней? – тягучим голосом переспросил дядя Гесберт и вдруг перекосясь от злости: – Я видел ее – и не так уж давно, чтобы забыть, как мне того ни хотелось бы.

Я почувствовала, как пальцы сэра Гая, сжимавшие мою ладонь, едва ощутимо дрогнули. Испугавшись, что его взволновало упоминание о леди Марианне, я подняла на него глаза. Поймав мой взгляд, он улыбнулся, поцеловал мою руку, потом приложил губы к моей щеке, и я совершенно успокоилась. Я ведь тогда еще не знала, как хорошо он умеет владеть собой и скрывать свои истинные чувства.

– Расскажи, – тем временем предложил дядя Роджер.

– Что тебе рассказать? – спросил дядя Гесберт, всем видом выказывая нежелание говорить о леди Марианне. – Где она? В Шервуде. Чем занимается? Разбоем, как и все, кто там скрывается. Как выглядит? Носит мужскую одежду, вооружена и мечом, и ножами, и луком, острижена как овца. Не женщина, а оруженосец лорда Шервуда. Довольно?

– А что, он ее отличает среди прочих своих стрелков? – очень тихо спросил сэр Гай.

Дядя Гесберт бросил взгляд в его сторону и презрительно скривил губы:

– Скорее опекает, как командир новобранца.

После этих слов сэр Гай расслабился, очень довольный улыбнулся и непринужденно поднес к губам кубок с вином. Дядя Роджер, напротив, помрачнел и нахмурился.

– Что с тобой, Роджер? – спросил дядя Гесберт, от чьих острых глаз ничто не могло ускользнуть.

– Все-таки я обошелся с ней чрезмерно жестоко! – признался дядя Роджер и тяжело вздохнул.

– Она это заслужила, – хладнокровно заметил сэр Гай, и дядя Гесберт склонил голову в знак согласия с ним.

– Но что она совершила и в какой жестокости ты себя коришь, дядя?! – не выдержала я.

Вместо дяди Роджера мне ответил сэр Гай:

– Она нанесла сэру Роджеру страшное оскорбление, дорогая Беа, унизила его честь, за что он наказал ее, заклеив раскаленным железом.

Я не могла прийти в себя от услышанного. Благородную девицу опозорили клеймом? Действительно жестокое наказание! Но чем она оскорбила дядю Роджера, я так и не поняла, а объяснять, судя по лицам и дяди Роджера, и сэра Гая, и дяди Гесберта, мне не собирались. Брайан же ничего не знал и был ошеломлен тем, что услышал, в той же мере, что и я.

– Но как она оказалась в Шервуде? – спросил мой брат. – Ее отца убили люди лорда Шервуда, а она пополнила ряды его войска? Разве такое возможно?

– Ей ничего другого не оставалось, – сказал сэр Гай. – Где она могла найти пристанище? Полагаю, валлийская родня не

приняла бы ее, а больше у нее никого нет. Брат с королем Ричардом в крестовом походе, но, думаю, и он отверг бы такую сестру.

Дядя Роджер снова вздохнул и сокрушенно покачал головой:

– Я мог бы отправить ее в монастырь, а не подвергать наказанию.

– Ее не приняла бы ни одна обитель! – отрезал дядя Гесберт. – А если бы приняла, я потребовал бы изгнать ее. Говоришь, ты жестоко с ней обошелся? Нет, Роджер, ты проявил непростительную мягкость. Тебе следовало казнить ее, сжечь прямо во дворе Фледстана, чтобы другим было неповадно грешить так, как она. А ты дал ей сбежать.

– Довольно о ней, мои лорды, – пресек спор сэр Гай. – Жизнь, которую она теперь ведет, и врагу не пожелаешь. Лорд Шервуда не дает спуска своим стрелкам, за каждую оплошность карает без всякого снисхождения. Сами подумайте, какой из нее воин? Не удивлюсь, если плеть гуляет по ее спине пусть не каждый день, но раз в неделю уж точно.

– Какой ужас! – воскликнул Брайан. – Неужели тот, с кем она была обручена, отказался принять в ней участие?

Я наострила уши в ожидании, что сейчас откроется хотя бы одна тайна злосчастной леди Марианны, но сэр Гай с умеренной резкостью произнес:

– Дорогой Брайан, я же просил: достаточно разговоров о ней! Твоя сестра и так была вынуждена слышать слиш-

ком много такого, что не может занимать девушку перед свадьбой. Поощадем чувства леди Беатрис.

Ночью я много думала о леди Марианне. Вот как, оказывается, сложилась ее судьба! Была благородной и знатной девицей, о которой мечтали многие лорды, а стала отверженной законом и честными людьми разбойницей, да еще была вынуждена искать покровительства у того, кто убил ее отца! Пусть она и совершила какое-то ужасное, по мнению дяди Гесберта, грехопадение, но мне стало жаль ее. К тому же суровые отзывы о ней сэра Гая окончательно убедили меня, что он пойдет со мной под венец с чистым сердцем, и потому я могла снизойти до жалости к той, в ком видела соперницу.

Приготовления к свадьбе заняли все мое время, и я забыла о леди Марианне. Незадолго до заветного дня сэр Гай сообщил, что ему нужно навеститься в Ноттингем ради дел, не терпящих отлагательства. Он нежно простился со мной, но в мое сердце опять невольно закрался страх: что если эти дела связаны с леди Марианной? Но все страхи улеглись, когда сэр Гай вернулся: настолько он был доволен и весел, заключил меня при встрече в объятия, а после провел в моем обществе весь вечер, обсуждая нашу жизнь после венчания.

В день свадьбы я проснулась очень рано, до рассвета, сама не своя от радостного волнения. Ведь я вступала в брак не только с полного одобрения всей родни, я заключала союз с благороднейшим рыцарем, которого горячо полюбила всем

сердцем. Редкой девушке выпадает подобное счастье – выйти замуж по любви за равного и достойного мужчину, каким для меня был сэр Гай.

Мне принесли завтрак в постель, потом искупали меня в теплой воде с ароматным розовым маслом, облачили в подвенечный наряд. Сбрызнув тем же розовым маслом мои волосы, их расчесали до блеска и, оставив распущенными, покрыли мою голову прозрачной вуалью – символом чистоты и невинности.

Собор и обряд венчания почтили своим присутствием принц Джон и его супруга. Брайан медленно и торжественно вел меня под руку к алтарю, где ждал сэр Гай, и со всех сторон до меня долетал восторженный шепот. Я старалась держать голову склоненной, как и подобает невесте, отмеченной добродетелью скромности, но знала, что очень хороша собой, как все и твердили вокруг. Брайан вложил мою руку в ладонь сэра Гая, и нас обвенчали. Окутанная розовым туманом безоблачного счастья, я слушала, как сэр Гай приносит брачный обет, и, старательно проговаривая каждое слово, ответно поклялась любить его и повиноваться ему.

В нашу честь звонили колокола, свадебный обед был великолепным. Перемена блюд следовала одна за другой, развлечения сменяли друг друга, музыка услаждала слух, а танцы тешили сердце. Это был очень счастливый день, счастливый в каждом своем мгновении. Но всякий день свадьбы сменяется брачной ночью, и меня увели готовиться к ней.

Я немного волновалась и даже начала дрожать, пока с меня снимали роскошное платье и облачали в ничуть не менее роскошную и изысканную сорочку из атласа, украшенную кружевом и вышивкой. Моя матушка умерла раньше, чем я достигла возраста, когда дочери узнают от матерей, что происходит на брачном ложе, поэтому необходимые наставления мне накануне дня венчания дал дядя Гесберт. Меня позабавило то, что он – епископ! – посвящает девицу в сугубо мирские и плотские дела, но я постаралась выслушать его с самым серьезным видом. Из его слов выходило, что мне надлежит просто быть покорной, пока мой супруг удовлетворяет свое желание, делать то, что скажет сэр Гай, а в первую ночь проявить терпение, как и должно невинной девушке, когда она становится женщиной. Дядя Гесберт не вдавался в подробности: откуда бы священнику знать их! Но я заранее расспросила замужних подруг и более или менее представляла себе, что меня ожидает. Правда, рассказы сильно различались. Леди Клод, например, уверяла, что каждую ночь ложится в постель с радостью и предвкушением, говорила, будто бы Брайан дарит ей невероятное блаженство. А моя лондонская подруга леди Хависа предупредила, что супружеский долг потому и называется долгом, что исполнять его довольно неприятно, а иной раз и очень болезненно. Но отказывать супругу нельзя ни в коем случае – надо лишь прикрыть глаза и молиться, пока муж пользуется своим правом. Молитва же облегчит тяготы обязанностей жены. Вот такие

замечательные сведения я получила, и они перепутались у меня в голове. Зная, как происходит соитие с женщиной, я совершенно не знала, что получу от него – боль или блаженство. В конце концов я так запуталась, что пожалела о разговорах с подругами. Лучше бы я удовольствовалась скупыми словами дяди Гесберта!

Пока я размышляла о том, что меня ожидает, в спальню пришел мой супруг. Его сопровождали подвыпившие гости и дядя Гесберт в епископском облачении. Дядя благословил наше ложе, потом нас самих и довольно решительно выпроводил за дверь всех лордов и дам. Мы с Гаем остались одни, и меня вдруг одолела такая робость, что я не смела поднять глаза на мужа, пока он не позвал меня по имени.

– Беа, не дрожи так! Не съем же я тебя!

Я увидела, что Гай улыбается, и улыбнулась в ответ. Он молча откинул край одеяла и кивком указал мне на кровать. Я забралась на нее, чувствуя на себе пристальный, неотрывный взгляд Гая, и устроилась на самом краешке, подтянув колени к груди и укрыв их одеялом. Гай стал раздеваться, и я отвела взгляд в сторону, смущенная и его наготой, и тем, что сам он вовсе ее не стеснялся. Мягко ухватив за подбородок, Гай заставил меня посмотреть ему в глаза.

– Будь добра, сними сорочку, – сказал он.

Облизав в волнении губы, я повиновалась. Гай разглядывал меня так долго и внимательно, что я едва не прикрылась волосами, но вовремя вспомнила, что обязана повиноваться

всем желаниям супруга, а он пожелал смотреть на меня обнаженную. Наконец Гай лег рядом и привлек меня к себе. Признаюсь, тепло его рук и нагого тела было мне очень приятно, как и поцелуи, которыми он одарил меня! Не прерывая поцелуев, он накрыл ладонью мою грудь, что тоже было приятно, и принялся гладить меня.

В отличие от поцелуев и ласк соитие не произвело на меня впечатления. Никакой особенной боли я не почувствовала, но и блаженства тоже не испытала, кроме осознания, что окончательно стала женой горячо любимого мной мужчины. Но как быть с тем, в чем меня уверяла леди Клод? Может быть, я что-то делала неправильно или чего-то не сделала вовсе? После того как все закончилось и Гай перекатился на спину, я осмелилась спросить:

– Довольны ли вы мной, мой лорд?

Он провел ладонью у меня между бедер, поднес ладонь к лицу, и я увидела на ней кровь.

– Да, супруга моя, я тобой доволен, – сказал Гай, вытирая ладонь о простыни. – Ты взошла на ложе девственной, проявила похвальную покорность, так что у меня нет оснований для недовольства. Впредь можешь оставить церемонный тон и называть меня просто по имени.

– Да, мой лорд, – кивнула я и, поймав его быстрый взгляд, поправилась: – Прости, Гай! Мне надо привыкнуть.

Он улыбнулся и поцеловал меня в лоб:

– Привыкай, Беа.

Ночью он еще дважды удовлетворил свое желание, и утром я почувствовала себя разбитой, словно скакала верхом несколько часов. Когда мы встали с кровати и оделись, в спальню пришли гости, пожелавшие убедиться, что наш брак свершился. Меня немного смущало и то, как они разглядывали простыни, на которых остались следы моей крови, и то, как шутили при этом. Но обычай есть обычай. К тому же Гай шепнул мне на ухо, что я должна гордиться, а не краснеть от стыда. Ведь теперь все убедились в моей чистоте.

Улучив подходящий момент, я поделилась впечатлениями о том, как прошло исполнение супружеских обязанностей, с леди Клод, чем сильно повеселила ее.

– Беа, дорогая, ты слишком много ожидала от первой ночи, когда для девушки главное – стерпеть боль. Нужно немного времени, чтобы твое тело привыкло к плотским утехам, и тогда придет и твой час вкусить наслаждение. Ты только не лежи неподвижно, как колода, вскидывай бедра навстречу супругу, обнимай, касайся грудью его груди. И не забывай ласкать мужа!

– Как ласкать?

– Гладь его, целуй, и не только в губы, но и в шею, и в плечи, и в грудь. Брайан, например, очень любит, когда я целую его – знаешь куда? – и она прошептала мне такое, что я залилась краской и посмотрела на леди Клод с изумлением, чем развеселила ее еще больше. – Правда-правда, Беа! И он так целует меня. Это очень приятно, поверь мне!

Вооруженная новыми знаниями, когда день прошел и наступил час ложиться в постель, я решила вести себя так, как советовала леди Клод. Но Гай оказался совсем не похож на Брайана. Прежде всего он спросил, для чего я сняла сорочку.

– Прошлой ночью ты сам об этом просил, вот я и подумала...

– Прошлой ночью я хотел разглядеть тебя, – сказал он, оборвав меня на полуслове. – Должен же я был убедиться в том, что моя жена хорошо сложена. Я остался доволен тем, что увидел, и этого достаточно. Надень сорочку, Беа, и впредь никогда не ложись в кровать нагой.

Я подчинилась. Когда же я обняла Гая и начала целовать его, он решительно снял с себя мои руки.

– Этого не требуется. Я не малосильный старец, чтобы ты разжигала во мне желание, а ты не гулящая девка, чтобы докучать мне ласками. Подними подол, раздвинь ноги и вытяни руки вдоль тела.

Я сделала так, как он приказал, и все бы прошло мирно, если бы я, в очередной раз вспомнив наставления леди Клод, не вскинула бедра, прижавшись к Гаю всем телом. Он даже отпрянул и посмотрел мне в глаза с непритворным гневом.

– Беа, не смей себя так вести! Я не потерплю от жены похоти и непотребства. Ты должна оставаться неподвижной все время, пока я не закончу. И упаси тебя Господь что-то говорить, тем более вздыхать или стонать, если ты не хочешь разочаровать меня!

Разочаровать его я не просто не хотела, а боялась, и потому вела себя так, как Гай мне сказал. Когда он получил удовлетворение и освободил меня от тяжести своего тела, я все же осмелилась положить голову ему на плечо, очень надеясь, что он обнимет меня. Но Гай поцеловал меня в лоб и отодвинулся.

– Это тоже лишнее, Беа.

– Но почему? – спросила я, впав в отчаяние. – Что предосудительного в том, что супруги засыпают в объятиях друг друга?

Он скосил на меня глаза и усмехнулся:

– Начиталась глупых куртуазных романов? Извини, я воспитан иначе, не на любовных историях. И в жене я желаю найти порядочность и строгость в поведении. Простолюдинки и девки – тем позволительно и ласкать мужчину, и прыгать под ним, и даже визжать. Но ты – знатная дама, моя супруга и должна вести себя так, чтобы не дать ни малейшего повода усомниться в твоём благонравии.

Отчитав меня, он повернулся ко мне спиной и уснул. Отодвинувшись на самый край кровати, я крепко сжала веки, почувствовав, что из глаз вот-вот хлынут слезы, а я уже понимала, что слезами только рассержу Гая, но не растрогаю.

Дни проходили радостно: Гай был неизменно любезен со мной, оказывал мне знаки внимания, делал подарки. Я получила и украшения, и отрезы дорогих тканей, и даже белую

лошадку, чей кроткий нрав, по мнению Гая, более приличествовал его жене, чем рослые норовистые жеребцы, на которых ездил он. Мы посещали мессы, принимали гостей и сами участвовали в увеселениях двора принца Джона. Но совместные ночи приводили меня в уныние. Я ничего не могла поделать с собой: мне хотелось отвечать на поцелуи Гая, обнимать его. Но, помня его слова, я всякий раз старалась не шевелиться. Мне приходилось вцепляться пальцами в простыни, лишь бы остаться неподвижной, хотя мое тело горело желанием слиться с Гаем так тесно, как только возможно. Я стала ощущать неведомое прежде томление, когда Гай соединялся со мной, и оно не проходило, продолжая мучить меня после соития. К моей радости, Гай не пренебрегал супружескими обязанностями, исполняя их за ночь не по одному разу. Но когда я понимала, что он уснул окончательно, до утра, меня охватывало отчаяние. Я сворачивалась в клубок и, стиснув зубы, терпела тягучую боль в груди и внизу живота.

Как такое возможно? Днем – любящий и заботливый супруг, а ночью – настоящий мучитель? У меня в голове не укладывалось! А вдруг это со мной что-то не так? Вдруг я бесстыдница, которой не привили должной скромности? Но ведь Брайан вел себя с женой совершенно иначе, а брата я почитала за образец. После супруга, разумеется.

И однажды я взбунтовалась, позволила себе то, в чем Гай мне отказывал: обняла его и принялась целовать. Мой бунт

длился недолго – Гай ответил пощечиной, несильной, но очень обидной. Я замерла и вжалась в перину, не сводя глаз с его лица. Оно осталось спокойным, но в глазах я заметила гнев.

– Беа, – очень холодно произнес Гай, – мне никогда не доставляло удовольствия поднимать руку на женщину. Очень прошу тебя: не вынуждай меня повторять то, что случилось сейчас.

Утром он, казалось, не вспомнил о ночной размолвке, поцеловал меня очень ласково, подарил изысканное ожерелье и весь день не отходил от меня, а во время трапез отбирал для меня самые лакомые кусочки. Разумеется, ночью я вела себя с наивысшей покорностью, лишь бы Гай был доволен, и даже заслужила его похвалу.

Все осталось по-прежнему, а мне становилось все хуже и хуже. В конце концов боль и терзания привели к тому, что я с ужасом почувствовала, как меня то и дело охватывает раздражение. Я стала резкой с прислугой, чего за мной прежде не водилось. Мне надо было с кем-то посоветоваться, но с кем? О том, чтобы пожаловаться Гаю, и речи быть не могло! Леди Клод? А что она мне присоветует, не зная подобной печали? Леди Хависа? Она меня не поймет. Дядя Гесберт – священник, что он знает о природе женской раздражительности? Брайан слишком молод, да и неловко говорить с братом о том, о чем и на исповеди не осмелишься сказать.

Меня навестил дядя Роджер и с такой неподдельной сер-

дечностью осведомился, довольна ли я замужеством, что я, потеряв всякий стыд, выложила ему – мужчине! – все как на духу. Он не оборвал меня на первых же словах и не стал пенять за непристойную откровенность. Терпеливо выслушав мои сетования, дядя Роджер улыбкой выразил понимание и сочувственно погладил меня по руке:

– Бедная моя малышка Беа! Ты слишком живая и пылкая для Гая, вот в чем дело. Ему следовало подыскать себе в супруги девицу с холодной кровью, а не горячей, как у тебя. Но Гай стал твоим мужем, и он такой, какой есть, поэтому ничего не поделаешь. Пей отвар из успокоительного сбора, Беа, и тебе станет легче. Это единственный совет, который я могу тебе дать. Может быть, в будущем что-то изменится.

– Почему только в будущем, а не сейчас? – спросила я.

– Мало времени прошло, – кратко ответил дядя Роджер, и по его замкнувшемуся лицу я догадалась, что эти слова как-то связаны с леди Марианной.

– Я сожалею о том, что не обладаю холодностью, присущей леди Марианне, – осмелилась сказать я, опасаясь рассердить дядю Роджера упоминанием о ней.

Но дядя Роджер не стал сердиться. Он рассмеялся – снисходительно и немного грустно.

– Почему ты решила, что она холодна? Нет, Беа, в ее жилах течет очень горячая кровь.

– У нее всегда было такое выражение лица, такой взгляд, словно ее выточили из льда, – возразила я.

– Это всего лишь маска, Беа, – усмехнулся дядя Роджер. – Может быть, она кого-то и обманывала, но не меня. В первую же встречу с леди Марианной я почувствовал, что в ней горит настоящий огонь. Меня потянуло к ней, как мотылька на свет пламени, и я довольно сильно обжегся.

– Но если она такая, какой ты ее описываешь, почему Гай стремился заполучить ее наравне с тобой? Что бы он стал делать с такой женой? – спросила я замирающим голосом.

Дядя Роджер бросил меня острый взгляд и резко сказал:

– Беа, если ты хочешь, чтобы твой брак с Гаем Гисборном сложился удачно, никогда не заводи с ним разговор о леди Марианне! Даже имени ее не упоминай, иначе его гнев, вызванный ею, падет на твою голову. А в гневе он страшен, поверь мне, малышка.

Значит, леди Марианна чем-то разгневала не только дядю Роджера, но и моего мужа. Я почувствовала, как глаза защипали от слез.

– Скажи мне правду, дядя, Гай любил ее? Как и ты?

Дядя Роджер вздохнул и отрицательно покачал головой:

– Нет, Беа, никто из нас не любил ее – ни Гай, ни я. Ему нравилось ее общество, а я испытывал к ней сугубо плотские желания, которых Гай в отношении нее не чувствовал вовсе. То, в чем он находил удовольствие, меня в леди Марианне раздражало, а природа моей тяги к ней вызывала у Гая брезгливость. Поэтому тебе нет нужды ревновать. Гай не любил леди Марианну, как должно мужчине любить женщину.

Я успокоилась после этих слов и, вспомнив об участии, постигшей леди Марианну, предположила:

– Дядя, может быть, ее оклеветали и она была невиновна в том, в чем ты ее заподозрил?

Лицо дяди Роджера окаменело:

– Она виновна, и мне были предъявлены исчерпывающие доказательства ее вины.

– Она сама призналась тебе? В чем? Что она все-таки сделала?

Эти вопросы дядя Роджер оставил без ответа. Мне бы замолчать, но я поддалась неистребимому любопытству:

– А с кем она была обручена?

Дядя Роджер посмотрел на меня очень усталым взглядом и недовольно спросил:

– Почему тебя так интересуется все, что с ней связано?

– Сама не понимаю, – пожалала я плечами в ответ. – Наверное, потому что она окутана тайнами, которые мне хочется разгадать.

– Любопытство влечет неприятности, Беа, если становится непомерным. Леди Марианна была обручена с графом Хантингтоном. Считается, что он погиб добрый десяток лет назад, но твой супруг не согласен с общим мнением и сомневается в гибели графа, как сомневался в ней и отец леди Марианны, хотя Гесберт и сэр Рейнолд ручаются в том, что он мертв.

Услышав эти слова, я чуть не совершила ошибку, но во-

время спохватилась и прикусила язык. Лучше я подробнее расспрошу дядю Роджера. Увы! Угадав мое намерение, он вскинул ладонь в запрещающем жесте:

– Довольно, Беа. Разговор перестал быть для меня приятным, а для тебя полезным, потому закончим его. Совет ты получила, и не один, свое любопытство тоже потешила. О графе Хантингтоне я все равно ничего не скажу тебе, потому что и сам ничего о нем не знаю.

Оставшись одна, я еще раз похвалила себя за осторожность. Ведь я едва не поведала дяде Роджеру, что дядя Гесберт и сэр Рейнолд по непонятным мне причинам ввели его в заблуждение, а женщине не следует вторгаться в мужские дела. Устроившись в кресле, я принялась за вышивание, но мои мысли постепенно заняло имя, которое назвал дядя Роджер.

Граф Хантингтон!.. Надо же! Леди Марианна и впрямь была обручена с графом, а я насмеялась над ней. Я порылась в памяти, пытаюсь отыскать в ней хоть что-нибудь о графе Хантингтоне или его родне, но безуспешно. И все же мне было известно о нем то немногое, что я узнала из подслушанных в Ноттингеме разговоров Гая с дядей Гесбертом и сэром Рейнолдом и позже с Джеффри. Так что же я знаю о графе Хантингтоне, кроме того, что он был обручен с леди Марианной?

Наравне со своими ратниками он защищал замок, названия которого я не слышала. Замок был захвачен. Кем и по-

чему? Об этом тоже не упоминалось. А потом граф Хантингтон, избежав гибели, скрылся от своих недругов и, вероятно, до сих пор скрывается под другим именем. Каким и где? И на эти вопросы ответов у меня нет. Какими же сведениями о нем я располагаю? Его хорошо знают Гай, дядя Гесберт, сэр Рейнолд, знал убиенный барон Невилл и – сомнений нет! – леди Марианна. Не могла не знать, раз он помог ей сбежать от слуг дяди Роджера. Помог, а что было потом? Гай утверждал, что она не знала о своем обручении, пока ее отец не объявил об этом дяде Роджеру. Почему же граф Хантингтон ей сам не сказал, что они обручены? А потому, что он, наверное, представился ей под другим именем. Как это говорил дядя Гесберт? «Невилл не станет связывать два имени в одно». То есть не захочет, чтобы дочь поняла: тот, кого она знает под каким-то неведомым именем, и граф Хантингтон – один и тот же человек. И опять: почему? Как получилось, что леди Марианна, будучи невестой графа, сбежала в Шервуд к разбойникам, убившим ее отца? Где в это время был граф Хантингтон?

– Не ладится с вышиванием, Беа? – веселый голос прозвучал так неожиданно, что я вздрогнула, как при раскате грома.

Гай рассмеялся и потрепал меня по щеке. Глядя в его глаза, я подумала: «Вот тот, у кого я точно найду ответы на все свои „почему“ и „где!“» Но память услужливо повторила сделанное дядей Роджером предупреждение: «Никогда не заво-

ди с Гаем речь о леди Марианне!» А где граф Хантингтон, там и она. Лучше унять любопытство, чем вызвать гнев мужа!

Я начала пить отвар из успокоительных трав, и мне действительно полегчало. Раздражительность как рукой сняло, я стала крепче спать, а супружеские обязанности в моем понимании приняли сходство с отправлением естественных потребностей, вроде малой нужды по утрам. Я очень надеялась обнаружить у себя признаки беременности, но крови выходили в срок, и оставалось утешаться тем, что моему замужеству нет и половины года.

Мы мирно жили в Лондоне, и ничто не смущало наш покой, пока в ноябре Гай не получил от сэра Рейнолда письмо, которое привело его в ярость.

– Ах, старый глупец! – пробормотал Гай и, показав письмо Джеффри, швырнул пергамент в камин, где он и сгорел. – Немедленно отправляйся в Ноттингемшир, повидайся со своим братом и разузнай последние новости. Сэр Рейнолд пишет, что он не убит, но при смерти. Зная его живучесть, не очень-то я верю в благополучный исход. Если так и окажется, передай брату мой приказ: никаких встреч с посыльными шерифа! Пусть затаится и ждет моего возвращения в Средние земли. Сэр Рейнолд для него с этого дня не указ.

– Вы известите об этом решении сэра Рейнолда? – осведомился Джеффри.

– Обойдется, – жестко ответил Гай. – Неведение станет

ему наказанием за глупость.

– А если на этот раз вы переоценили его силы и он умрет от полученной раны? – спросил Джеффри, внимательно глядя на Гая.

– Мое указание твоему брату остается в силе и в этом случае, – недолго подумав, ответил Гай. – Он мне понадобится там, а не рядом со мной. Но, думаю, прав окажусь я. Сколько раз его убивали, и ни разу он не погиб! Поторопись, Джеффри!

Я ничего не поняла из разговора Гая и Джеффри, но видела, что они понимают друг друга с полуслова. Когда Джеффри скрылся за дверью, я попыталась расспросить Гая, что все это значило.

– Не твоего ума дело, – нелюбезно ответил муж. – Будешь и впредь одолевать меня вопросами, выставлю тебя за дверь, чтобы не вести при тебе разговоров, к которым ты не имеешь отношения.

Никогда прежде он не говорил со мной в подобном тоне. Проглотив слезы, я возразила:

– Но ведь я твоя супруга, Гай. Я хочу помогать тебе, быть полезной в твоих делах!

– Помогать чем?

– Советом, например.

По горлу Гая прокатился отрывистый смешок:

– Советом? Почему ты решила, что я нуждаюсь в твоих советах? Чем так примечателен твой ум, чтобы ты могла дать

мне дельный совет? Хочешь быть полезной? Докажи свою плодовитость, роди мне наследника. Никакой иной пользы я от тебя не жду и не требую.

Я низко склонила голову над вышиванием, старательно глотая вспухший в горле комок слез и обиды. Гай сел возле меня, обнял неожиданно ласково и очень мягко сказал:

– Беа, ты хорошая жена, и я весьма доволен нашим браком. Но ты должна понимать, что женщина никогда не сможет быть равноправной советчицей в делах супруга. Твоя забота – дети и дом. Ничего больше!

– А супруг? – прошептала я, поднимая на него глаза. – Ведь я люблю тебя, Гай! Ты отрада и светоч моего сердца. Что дурного в моем желании помочь тебе?

Он улыбнулся очень горькой улыбкой, словно я говорила ему о чем-то невозможном и недостижимом, словно и он когда-то думал так же, как я, но разуверился в тех мыслях. Встретив мой взгляд, Гай тряхнул головой, прогоняя нечто ненужное, ставшее лишним, поцеловал меня в лоб и шепнул:

– Пойдем в постель, Беа, если действительно хочешь порадовать меня и принести пользу.

Джеффри вернулся через две недели. Когда он появился на пороге, в одежде, испачканной дорожной грязью, и пропахший конским потом, Гай повел глазами в мою сторону, и моя игла заскользила проворнее, словно для меня не было важнее дела, чем вышивание. Но Гай не удовольствовался таким проявлением послушания и приказал Джеффри:

– Рассказывай, но шепотом.

Джефффри заговорил, и так тихо, что я не смогла расслышать ни слова. В какой-то момент Гай оборвал его смехом, похожим на клекот:

– И кто был прав? Я же говорил, ему с детства ворожили феи, он живуч, как если бы искупался в драконьей крови!

После того как Джефффри все рассказал и умолк, Гай долго барабанил пальцами по краю камина, пока не спросил ровным, даже скучающим голосом:

– Больше никаких новостей?

– Нет, милорд, – ответил Джефффри.

Я заметила, как муж бросил на него мгновенный пристальный взгляд.

– И твой брат ни о чем не поведал?

Джефффри расправил плечи, ответил Гаю не менее пристальным взглядом и сказал:

– Мы говорили только о вашем приказе, милорд. Я узнал, что вас интересовало, и не спрашивал его о другом.

– Что же помешало тебе выйти за пределы моего приказа? Помнится, в апреле ты не убоился истолковать мой приказ по-своему?

Голос моего супруга прозвучал так, что мне стало не по себе.

– Ваш гнев, милорд, пощечина, которую вы мне отвесили, и угроза собственноручно убить меня, если мое толкование вашего приказа привело бы к гибели всех ваших ратников, –

невозмутимо ответил Джеффри.

Я испугалась, что ответ Джеффри повлечет за собой пагубные для него последствия, – и не столько потому, что боялась за жизнь Джеффри. Я вспомнила предупреждение дяди Роджера о том, каким страшным может быть гнев моего супруга, и всем сердцем не желала убедиться в этом собственными глазами. Но, к моему удивлению, Гай вовсе не разгневался. Напротив, он потрепал Джеффри по плечу и похвалил за быстроту, с которой тот съездил в Ноттингем и вернулся в Лондон.

– Пора возвращаться домой! – сказал Гай почти мечтательным голосом. – Загостился я в Лондоне в ущерб делам!

Я почувствовала легкий укол в сердце. Гай говорил так, словно и я была помехой его делам. Но потом я подумала о том, что и Брайан с леди Клод, и дядя Гесберт давно вернулись в Средние земли. Те края никогда не были мне родным домом, но любовь к родным и близким мне людям всколыхнула и во мне желание отправиться в Ноттингемшир. К тому же именно там находится замок Гая, куда мне предстоит вступить полноправной госпожой, леди Беатрис Гисборн. Поэтому я с легким сердцем начала готовиться к отъезду из Лондона.

Он состоялся не так скоро, как я мыслила и как хотел Гай. Рождественские празднества мы провели при дворе принца Джона, и только в середине января получили разрешение покинуть Лондон. Дядя Роджер вознамерился сопровождать

нас, и я не нашла в этом желании ничего необычного, пока не стала свидетельницей его разговора с Гаем.

– Роджер, при всем моем уважении к твоей доблести, я очень рекомендую тебе не преступать границу Средних земель.

– Какая опасность может подстергать меня там, Гай?

– Я не могу предсказать. Просто вспомни, что случилось с гарнизоном, который ты оставил во Фледстане. Он был вырезан весь, до последнего ратника. Тебе это ни о чем не говорит?

Дядя Роджер покривил губами, посмотрел на моего мужа и обреченно сказал:

– Чему быть, тому не миновать, Гай. Я хотя бы взгляну в глаза тому, чье имя давно хочу узнать.

– Его взгляд станет последним, что ты увидишь перед смертью, – ответил Гай.

Дядя Роджер презрительно хмыкнул:

– Но я желаю увидеть его. Не думаю, что он выстоит против меня.

– Не уверен, Роджер, – усмехнулся мой супруг. – Правильнее будет сказать: уверен в обратном. В поединке с ним ты и минуты не выдержишься.

И вдруг дядя Роджер сделал нечто невообразимое – ухватил Гая за ворот верхнего платья, с силой притянул к себе и прохрипел ему прямо в лицо:

– Кто?! Кто он, Гай?! Ведь ты знаешь! Сколько еще ты на-

мерен использовать меня как разменную пешку на шахматном столе?

Иголка выпала из моих онемевших пальцев. Я не могла угадать, что сейчас последует, но боялась как никогда. Мой испуг, казалось, сыграл на руку Гаю. Он выразительно повел глазами в мою сторону. Проследив его взгляд, дядя Роджер ослабил хватку, и Гай аккуратно высвободился из его рук.

– Да, Роджер, здесь Беатрис, твоя племянница, которая любит тебя всем сердцем и почитает как благородного рыцаря. Должна ли она узнать все, прежде чем ты угрозами вырвешь из меня имя?

Дядя Роджер долго смотрел на меня, по его лицу пробежала мучительная судорога.

– Нет, – глухо произнес он. – Я дорожу любовью Беа и не хочу утратить ее уважение. Но ведь и мне есть что сказать, Гай!

– Скажи! – неожиданно легко согласился мой муж. – Мне даже любопытно, как она отнесется к твоим откровениям.

Дядя Роджер медленно перевел взгляд на Гая, и я, забыв о вышивании, смотрела на них, но они молчали, тяжело дыша в лицо друг другу. Дядя Роджер вновь посмотрел на меня и с горечью усмехнулся:

– Бедная малышка Беа! Да послужит тебе защитой неведение о том, чьей супругой ты стала!

– И чьей племянницей уродилась, – не остался в долгу Гай.

На этом они разошлись. Вскоре мы отправились в дорогу, и за все время пути мой супруг и дядя не сказали при мне друг другу ни слова. Когда мы почти подъехали к Ноттингему, Гай неожиданно приказал мне отправляться в его замок, не заезжая в город, и выделил для моего сопровождения половину дружины.

– Как же так? – удивилась я. – Не ты ли должен представить меня всем в своем замке госпожой?

– Ты справишься с этим сама, – хладнокровно ответил Гай. – Меня ждут дела в Ноттингеме, ради которых я не стану тратить драгоценные часы на правила этикета.

Мне ничего другого не оставалось, как подчиниться. Я надеялась, что он хотя бы отправит со мной Джеффри: все-таки тот возглавлял ратников Гая и мне было бы с ним спокойнее. Но Гай отказал мне и в этом, сославшись на то, что Джеффри необходим ему больше, чем мне.

В замке меня встретили со всей учтивостью. Пока дела удерживали Гая в Ноттингеме, я ознакомилась со всеми службами, хозяйством и даже с отчетами о доходах, приносимых владениями Гая. Кое-что мне показалось подлежащим исправлению и улучшению, но я благоразумно отложила изменения в управлении владениями до возвращения Гая. Пока его не было, я занималась убранством наших покоев, благо привезла с собой из Лондона много утвари. Под моим руководством и наблюдением побелили стены, украсили их гобеленами, намыли и до блеска натерли воском деревянные

половицы, заменили полог над кроватью, расставили по углам комнат высокие бронзовые подсвечники. Под пологом на тонких цепях повесили лампы, которые я сама заправила благовонным маслом.

Я обследовала все дворовые постройки от конюшни до птичника, тщательно пересчитала запасы в кладовых, расспросила повара о кулинарных пристрастиях моего супруга и дала ему рекомендации относительно выбора блюд. Слуги и ратники относились ко мне с подобающим уважением, но я то и дело ловила на себе их взгляды, смущавшие меня. Они поглядывали на меня так, словно я заняла чье-то место. Не выдержав, я обратилась к старшей над замковой челядью служанке Джоанне с вопросом, не был ли лорд Гисборн женат, прежде чем обвенчался со мной.

– Разумеется, нет, миледи! – заверила меня Джоанна, но при этом потупила глаза, словно что-то скрывала.

Изучая замок, я заметила, что жилая часть и почти все постройки выглядели так, словно были возведены совсем недавно. Но кладка защитных стен была старая, и местами на стенах были видны следы копоти.

– Дело в том, миледи, что три года назад замок подвергся нападению, начался пожар, и почти все внутри стен выгорело дотла. Сэр Гай сам едва не погиб.

– Кто же посмел напасть на замок сэра Гая, зная, какой властью он обладает в Ноттингемшире? – удивилась я.

– Тот, в чьих руках больше власти в Средних землях, чем

у сэра Гая, – ответили мне и, заметив, что я не поняла, о ком идет речь, пояснили: – Лорд Шервуда, разумеется! Кто же еще, миледи?

Лорд Шервуда – разбойник, объявленный вне закона! – обладает большей властью, чем Гай? Да разве такое возможно, чтобы еще и слуги Гая говорили об этом с такой уверенностью?

Обустроиваясь, я с нетерпением ждала возвращения Гая. Мне очень хотелось увидеть на его лице удивление, услышать похвалу, но все вышло не так, как мечталось. Когда через неделю ворота замка распахнулись, я с ужасом увидела, что моего мужа везут в конной повозке, и вначале приняла его за мертвеца: настолько он был неподвижным и бледным.

– Что с ним?! – бросилась я к Джефффри, который ехал рядом с повозкой, не отрывая глаз от лица Гая.

– Он ранен, миледи, – глухо ответил Джефффри, спешиваясь. – Очень тяжело. Я убеждал его остаться в Ноттингеме, но он выразил настойчивое желание вернуться домой.

Взяв себя в руки, я приказала послать за лучшими лекарями и сама проследила, как Гая переносят в спальню и укладывают в кровать. Он вдруг пришел в себя и, не заметив меня, впился глазами в лицо Джефффри, накрыл рукой его руку и еле слышно спросил:

– Что?

– Вы дома, милорд, – ответил Джефффри.

– Что слышно о ней? – прохрипел Гай, не удовольствовав-

шись таким ответом.

Джеффри потемнел лицом и сказал:

– Насколько я знаю, она жива.

– Жива?

– Да, милорд. Но его сын родился прежде срока, мертвым.

– Она жива! – выдохнул Гай и, прикрыв глаза, дернул уголком рта: – До его щенка мне нет дела. Она жива...

Вновь открыв глаза, он посмотрел на Джеффри как на спасение своей души.

– Ты здесь, со мной?

– Вы тяжело ранены, милорд, – очень ровным голосом ответил Джеффри. – Если вы думали, что я вас оставлю, когда вы в таком состоянии, вам должно стыдиться, сэр Гай.

Гай улыбнулся, сжав руку Джеффри, закрыл глаза и впал в беспамятство. Меня он так и не заметил, хотя я стояла в изголовье кровати. Пришли лекари, и пока они хлопотали над Гаем, я потребовала объяснений у Джеффри: что произошло, почему мой супруг оказался ранен и кем?

– Сэр Гай устроил засаду, в которую попали жена и брат лорда Шервуда. В графстве объявили, что они будут преданы казни, если лорд Шервуда не сдастся добровольно. Но он предпочел не сдаваться, а совершил дерзкую вылазку в Ноттингем, проник в подземелье замка и освободил жену и брата. Когда побег был обнаружен, сэр Гай бросился в погоню, и у самых ворот города его сразила шервудская стрела.

– А чей сын родился мертвым до срока?

– Лорда Шервуда, миледи. Его супруга была в тягости.

Ответ Джеффри был очень скупым, но я и так все поняла.

Засада, ожидание казни, побег – какая женщина, носившая под сердцем дитя, выдержала бы подобные потрясения? Мне стало от души жаль ее, пусть она и была женой заклятого врага моего супруга.

– Как это несправедливо! – воскликнула я.

– Что именно, миледи? – осведомился Джеффри.

– То, что воюют мужчины, а страдают ни в чем не повинные женщины.

– Вы правы, миледи. Не только несправедливо, но и жестоко, – очень тихо произнес Джеффри, и в его глазах я впервые увидела уважение ко мне самой, а не к супруге его лорда.

– Надеюсь, она оправится, хотя многие женщины умирают после родов, случившихся раньше положенного срока, – вздохнула я и перекрестилась.

– Лорд Шервуда не только воин, но и целитель, весьма искушенный в медицине, – ответил Джеффри. – Полагаю, его знаний и сил хватит на то, чтобы вылечить супругу.

Спохватившись, я укорила себя в том, что чересчур озаботилась бедами незнакомой мне жены лорда Шервуда, в то время как мой собственный супруг пострадал ничуть не меньше. Лекари закончили осмотр раны и перевязку, приготовили необходимые лекарства. На мой вопрос, как долго будет идти выздоровление, они дали не слишком утешительные ответы:

– Сэр Гай сейчас находится на грани жизни и смерти, миледи. Мы сделаем все возможное, а вам остается только молиться, чтобы Всевышний даровал ему исцеление.

Слезы заструились у меня по щекам при мысли, что Гай может умереть. Я выразила твердое намерение остаться возле него и ухаживать за ним, и ни лекари, ни Джефффри не смогли отговорить меня. Я провела у постели Гая всю ночь, вытирала пот с его лба, поила лекарством, забирая кубок из рук лекаря. Утро не принесло облегчения, а днем Гай почувствовал себя совсем плохо.

– Беа, я хочу исповедоваться, – сказал он хрипящим шепотом.

Я думала послать за дядей Гесбертом, но Гай наотрез отверг мое предложение:

– Только не он! Скажи Джефффри, пусть найдут любого священника, первого, что попадется. Мне легче открыть душу простому монаху, но не твоему дядюшке епископу. Он слишком легко отпускает мои грехи.

Я не смогла понять, чем ему вдруг не угодил дядя Гесберт, которому прежде Гай всегда исповедовался. Легко отпускает грехи? А разве целью исповеди не являлось отпущение грехов? Но взгляд Гая был таким, что я не осмелилась возражать и передала Джефффри приказ слово в слово. Он снарядил небольшой отряд и отправил его на поиски священника. Не знаю, в каких далях пришлось его искать, но люди, посланные Джефффри, вернулись в потемках, когда в замке

уже потушили огни.

Джеффри и я встретили святого отца у дверей комнаты, где лежал Гай. Я подошла за благословением и получила его, а Джеффри моему примеру отчего-то не последовал. Он долго смотрел на священника внимательным изучающим взглядом, после чего учтиво, но твердо сказал:

– Прошу простить меня, святой отец, но я должен обыскать вас, прежде чем допущу к сэру Гаю.

В глазах священника вспыхнул гнев:

– Делай, что хочешь, но устыдись! Меня позвали исповедовать того, кто находится в шаге от смерти, а ты заподозрил во мне убийцу?

Помедлив, Джеффри отказался от своего намерения, и священник пожелал, чтобы его оставили с Гаем наедине, как того требовала тайна исповеди. Джеффри вошел в комнату, я осталась ждать у дверей, а святой отец отступил на несколько шагов, так что почти растворился в углу, куда едва падал свет факела.

Лекари беспрекословно повиновались Джеффри, но одного из слуг, который неотступно был при Гае, ему пришлось силой выставить за порог. Он буквально вытащил парня за шкурку и кивком указал священнику, что тот может войти. Низко склонив покрытую капюшоном голову, святой отец безмолвно скользнул внутрь, а Джеффри, закрыв за ним дверь, занялся парнем, ворот чьей куртки он продолжал крепко держать в руке.

– Хватит здесь отираться! Отправляйся в караульную, твое место отныне там.

Почему-то этот приказ сильно испугал парня, он даже вцепился в руки Джеффри.

– Не отправляй меня туда! – попросил он молящим голосом. – Там ведь ратники!

– Где же им еще быть? – осведомился Джеффри, и в его голосе прозвучало презрение.

– Они смотрят на меня так, что меня мороз по коже продирает. Я боюсь их!

Из плотно сжатых губ Джеффри вырвался резкий смешок:

– Надо же, какие нежности! Приди в себя, Хьюберт. Ты не девица, чтобы дрожать при виде ратников, тем более что сам пожелал стать одним из них. Боялся там, теперь боишься здесь – как же ты собираешься жить в замке сэра Гая? Остерегаясь собственной тени?

– Но, чтобы попасть в караульную, мне придется пройти через двор!

– Несомненно, тебе не миновать его, вот и сделай это, – с усмешкой подтвердил Джеффри и, прищутив глаза, тихо сказал: – Выполняй мой приказ, Хьюберт, и не забывай, что я прежде всего твой командир, как и всех других ратников сэра Гая, и в самую последнюю очередь – твой брат.

Выслушав Джеффри, Хьюберт криво усмехнулся и неожиданно дерзко заявил:

– Оказывается, и ты не уберешься от чар этой ведьмы?

Джеффри в ответ залепил ему пощечину с такой силой, что Хьюберт отлетел на несколько шагов и едва не упал.

– Закрой свой грязный рот и убирайся! Если ты и в карательной заведешь подобные речи, тебе точно не поздоровится. Ступай!

Тон Джеффри был тихим, но неумолимым, и Хьюберту ничего не оставалось, кроме как повиноваться. Он ушел прочь неверной походкой, словно его одолевал не просто страх, а настоящий ужас.

– Чего он боится? – спросила я.

– Смерти, миледи, – с холодной усмешкой ответил Джеффри, – поскольку сам понимает, что заслужил ее.

Припомнив обрывки разговоров, которые Гай и Джеффри вели при мне в Лондоне, я удивилась:

– Как странно ты говоришь о нем! Он ведь твой брат и такой же слуга сэра Гая, как и ты. Почему же ты отзываешься о нем с презрением, а он боится наших же ратников?

– Потому, миледи, что он служил другому человеку и предал его, спасая собственную шкуру. Предавший одного господина с легкостью предаст и другого. Те, кто защищает свою жизнь оружием, не любят изменников, и наши ратники не исключение.

Больше он ничего не сказал, но я и сама догадалась, кому служил и кого предал Хьюберт. Да, ему следовало опасаться мести, если он приложил руку к поимке жены лорда Шервуда. Только почему он испытывает такой страх и перед ратни-

ками Гая? Впрочем, ведь Джеффри уже объяснил мне, что предателей не жалуют нигде. Он согласился со мной, когда я рассуждала о несправедливости страданий, причиняемых женщинам войнами, которые ведут мужчины, возможно, и наши ратники считали так же, как их командир.

Исповедь Гая была очень долгой, и я едва держалась на ногах, когда священник наконец-то вышел к нам. Я бросилась к нему и, схватив за руку, спросила:

– Как он, святой отец? Ему лучше?

– Несомненно, дочь моя, ведь его душа получила искомое облегчение, – с тяжелым вздохом ответил священник, и я заметила в его добрых глазах влажный блеск. – Телесное же самочувствие мне облегчать не дано. Я вижу, вы добрая и чистая женщина, горячо любите супруга. Молитесь о его душе, дочь моя, неустанно молитесь!

Он говорил так, словно на исповеди ему открылась целая бездна неких ужасных злодеяний, совершенных моим мужем, во что я никак не могла поверить. Еще раз вздохнув, он погладил меня по руке и кивнул Джеффри в знак того, что готов уйти и продолжить свой путь, прерванный теми, кто призвал его в наш замок.

– Разве вы не останетесь до утра? – спросила я. – Ведь до рассвета еще далеко!

– Я не боюсь ночных дорог, – ответил священник. – Моя вера – самая надежная защита от всех опасностей, которые подстерегают путников.

Джеффри при этих словах странно усмехнулся и ушел вместе с ним. Я вернулась к постели Гая и, стараясь не шуметь, села на табурет у изголовья. Гай был очень бледен, его губы запеклись, и я смочила их влажной салфеткой. Он открыл глаза и посмотрел на меня:

– Беа? Зачем ты здесь? Ступай спать!

– Позволь мне остаться возле тебя! – попросила я, взяв в ладони его неподвижную руку.

– Ну как знаешь, – шелестом слетело с его губ, и он снова впал в забытие.

Следующий день омрачился печальным происшествием: вечером нашли Хьюберта мертвым, с петлей на шее. Сам ли он наложил на себя руки или кто-то убил его, я не узнала и не стала доискиваться, поскольку Гай оставался в беспмятстве и все мои мысли и чаяния были полны им одним. Слуги и ратники отнеслись к смерти Хьюберта с полнейшим равнодушием, а Джеффри приказал его даже не похоронить, а зарыть за кладбищенской оградой без поминальной мессы. Но Гая это событие заинтересовало, когда он пришел в себя. Усилия врачей или отпущение грехов, а может быть, все вместе принесло благо, и Гай начал оправляться от раны. Узнав о смерти Хьюберта, он призвал к себе Джеффри и обстоятельно расспросил, как именно тот погиб. Оказалось, что Хьюберта не просто нашли в замке: у ворот стояла лошадь, к которой было привязано его тело.

– Как он оказался за стенами замка?

– Я отправил его в числе ратников, сопровождавших до Ноттингемской дороги священника, который вас исповедовал. Вернулись все, кроме Хьюберта, и никто не смог объяснить, куда он подевался.

– И ты не послал на поиски?

– Нет, милорд.

– Почему?

– Я примерно представлял себе, что с ним могло случиться, и не хотел потерять в его поисках ратников, зная, с кем им придется столкнуться.

Гай долго молчал, обдумывая ответ Джеффри, после чего небрежно махнул рукой:

– Ладно! Хьюберт все равно свое отслужил. Его стараниями лорд Шервуда хотя бы лишился сына, так пусть потешится мстостью тому, кто предал его.

К моей несказанной радости здоровье Гая неуклонно улучшалось. Как это ни странно звучит, но время, которое я проводила возле его постели, было для меня счастливым. Подолгу, как никогда прежде, я находилась с Гаем вдвоем. Раньше он был вечно занят, а раненый принадлежал мне одной. Его обществом мне приходилось делиться только с лекарями и Джеффри, но присутствие лекарей было необходимым, вели они себя с предельным тактом, и я их почти не замечала. Джеффри тоже особенно не докучал, навещая

Гая каждое утро, докладывая ему о делах в замке и новостях Ноттингемшира, после чего уходил до следующего утра. Я поила Гая лекарствами, помогала слугам переодевать его и перестилать постель, занимала чтением и видела в его глазах благодарность за мою заботу.

По мере того как он выздоравливал, я вновь занялась делами по хозяйству. В один из вечеров, обсуждая с поваром блюда на завтра, я заметила стоящий на оконном выступе длинный и узкий деревянный ящик, в котором густо росли зеленые стебли. Сорвав несколько листиков, я растерла их в пальцах и почувствовала очень приятный запах.

– Что это?

– Имбирь, миледи. Когда его корешки выбрасывают почки, я их отщипываю и высаживаю в землю, чтобы вырастить новые корни, – охотно ответил повар.

Я приказала ему срезать для меня пучок стеблей. Запах мне так понравился, что я захотела поместить стебли в своей спальне как цветы. По пути к себе я зашла в покои мужа и спросила у лекаря о самочувствии Гая.

– Лучше, миледи, – ответил он, – много лучше! Я дал ему макового настоя, перед тем как промыть рану, и сейчас он спит. Желаете взглянуть на него?

Кивнув, я прошла в спальню и присела на кровать рядом с Гаем. Положив зеленые стебли на кресло, я осторожно, чтобы не разбудить мужа, провела ладонью по его щеке. Неожиданно он накрыл мою ладонь своей и, не открывая глаз, при-

жал мою руку к губам.

– Ты! – чуть слышно прошептал он. – Ты пришла ко мне!

В его голосе было столько нежности и благоговения, что я потеряла дар речи от удивления. Никогда прежде он так не говорил со мной. Не успела я сказать хотя бы слово в ответ, как он подвинулся и потянул меня за руку.

– Ляг, пожалуйста! Приляг возле меня! Я истосковался по тебе, и вдруг ты сама пришла!

Удивившись еще сильнее, я сделала так, как он просил, и Гай крепко обнял меня, стал целовать – сначала очень нежно, едва дотрагиваясь губами до моего лица и губ, потом все жарче и требовательнее. Его ладонь скользнула по моей груди, и он с досадой прошептал:

– Платье! Зачем оно? Ты могла бы снять с себя одежду? Всю!

Высвободившись, я разделась, вновь легла рядом с ним, и он заключил меня в объятия. Последнее, о чем я подумала: что скажет лекарь? Вдруг Гаю потом станет хуже? А больше я не думала ни о чем, попросту не могла думать. Гай целовал меня так, как никогда раньше не целовал. Он вообще был сам на себя не похож: зарывался руками в мои волосы, осыпал поцелуями и называл меня милой и самой любимой.

– Какая у тебя шелковистая кожа! – задыхаясь, шептал он, не переставая целовать меня. – И этот твой запах – я обожаю его! Как давно я мечтал о тебе, мечтал, чтобы мы были вместе так, как сейчас!

Осмелившись после этих слов, я ответила на очередной поцелуй, и Гай, вместо того чтобы сделать мне обычный выговор, впился в мои губы так, что я едва могла дышать. Все было так необычно и так восхитительно! Презрев все правила благонравия на супружеском ложе, Гай безмолвно желал, чтобы и я их отринула. Когда мы с ним соединились, я невольно подалась навстречу ему, а Гай, неизменно требовавший от меня полной неподвижности, даже застонал от удовольствия и подхватил меня рукой под спину, заставляя и дальше отвечать рывкам его тела. Он сам – сам! – попросил меня не только обнять его, но и обвить ногами. Все было невыразимо прекрасно, и я мечтала: пусть наша близость длится вечно! Впервые за месяцы супружества я познала такое блаженство, что не смогла удержаться от громкого крика, который вместо негодования привел Гая в восторг. Посмотрев на меня глазами, затуманенными маковым настоем, он тихо сказал:

– Ты кричала, и не от боли. Значит, тебе было хорошо со мной?

– Так хорошо, что я не могу выразить словами! – призналась я от всего сердца.

По его губам пробежала неожиданно очень печальная улыбка, и он с горечью спросил:

– Тогда почему ты предпочла его? Чем он лучше меня?

Я даже испугалась, приняв эти слова за обвинение в измене:

– О чем ты сейчас говоришь, Гай? Я и помыслить не могу ни о ком, кроме тебя!

Его глаза чуть прищурились, впившись в меня так, что мне стало не по себе:

– А как же Рочестер? Роберт Рочестер?

– Кто это? Я даже имени такого не знаю! – окончательно впав в смятение, я с нежным укором напомнила: – Гай, когда ты взял меня в жены, я взошла на твое ложе невинной девицей. В чем ты меня сейчас заподозрил? Я люблю тебя одного, каждой частичкой своей души! Может быть, тебе приснился дурной сон?

По мере того как я говорила, его глаза теплели, лицо оттаивало. Улыбнувшись, Гай привлек меня к себе и зарылся лицом в мои волосы:

– Да, любимая, ты права! Это было дурным наваждением. Прости! Как же отраднo слышать твои слова о любви! Скажи еще, скажи!..

Он вновь принялся целовать меня, и я растаяла в его объятиях. Он прикасался ко мне с таким благоговейным трепетом, что на мои глаза наворачивались слезы. Гай так исполнял супружеские обязанности, словно одновременно возносил молитвы в мою честь. Описать это словами попросту невозможно...

Он снова подарил мне неопишeмое наслаждение, и больше я не боялась оскорбить его стонами и криками. Он и сам стонал и глухо вскрикивал, изливая в меня семя, а потом

благодарил жаркими поцелуями. Когда же Гай уснул, он не только не выпустил меня из объятий, но и заставил обнимать его, крепко прижав к своей груди. Я уснула совершенно счастливой, уверившейся в его любви, еще не зная, что этой волшебной, незабываемой ночью мы зачали нашего сына.

Утром я проснулась от того, что меня громко позвали по имени. Открыв глаза, я увидела, как Гай смотрит на меня с таким изумлением, словно минувшей ночи не было вовсе.

– Беа? Почему ты здесь, да еще совершенно голая?

– Ты сам вчера попросил меня раздеться донага, – ответила я, не понимая, чем вызвано его неудовольствие.

– Ты была со мной всю ночь? – продолжал допытываться Гай, и мне показалось, что он вообще ничего не помнит.

Не зная, что сказать, я молча кивнула. Он перевел взгляд на кресло и поднял бровь.

– Что это за трава там лежит?

– Имбирные стебли, – ответила я, догадавшись, о какой траве он спрашивает. – Я хотела поставить их в воду у себя в спальне. От них исходит очень приятный запах. Убедись сам!

Дотянувшись до стеблей, я хотела поднести их к лицу Гая, но он резко отвернулся.

– Не надо. Убери их от меня, и как можно дальше. И оденься, наконец! Я тебе еще в Лондоне говорил, что благородная леди не спит нагишом!

От его резкого голоса, в котором звучало непритворное

возмущение, в моей голове все перепуталось. Гай стал таким, каким я всегда его знала, но ведь ночью все было иначе! Наблюдая, как я одеваюсь и заплетаю косу, он вдруг спросил:

– Беа, мне показалось или ты действительно ночью стонала и даже кричала, когда мы выполняли супружеский долг? Почему ты забыла, как должно себя вести?

Я вздрогнула от его голоса как от удара, и едва не расплакалась.

– Ты сам просил, чтобы я вела себя именно так, почему же сердишься на меня теперь?

– Сам просил? – Гай усмехнулся с непонятной горечью. – В таком случае я не сержусь на тебя. Но впредь не смей уподобляться девке.

– Даже если ты...

– Я больше тебя об этом не попрошу, – резко оборвал он. – На меня, верно, дурным образом подействовал маковый настой. Ступай, Беа! Займись делами и забери, наконец, свою траву!

Говоря об имбирных стеблях, он только что не рычал, и я поторопилась уйти, лишь бы поскорее унести ароматные стебли, которые почему-то привели Гая в сильное раздражение. В коридоре я увидела Джеффри: он стоял спиной ко мне, глядя в окно. Когда я поравнялась с ним, он вдруг сделал глубокий вдох и на миг окаменел, повернул голову и посмотрел на меня глазами, в которых я увидела настоящее ошеломление. Впрочем, через секунду его лицо стало бес-

страстным, как обычно.

– Миледи! Да ниспошлет вам Господь доброго дня! – сказал он, сопроводив приветствие учтивым поклоном.

Я заметила, как его взгляд замер на зеленом пучке стеблей, который я сжимала в руке, и Джефффри едва заметно улыбнулся, словно нашел ответ на какой-то вопрос. Этого я уже не выдержала. Сначала Гай, теперь Джефффри – не иначе как имбирные стебли обладали колдовской силой, известной им обоим, но неведомой мне.

– В чем дело? – спросила я. – Почему ты так странно посмотрел на эти стебли?

– Я почувствовал сильный аромат, узнал его, но не сразу понял, что источает этот запах, – ответил Джефффри.

Я пристально посмотрела на него.

– И поэтому так сильно удивился?

– Подобный запах уместен в саду, но не здесь, – с прежней невозмутимостью сказал он, пожимая плечами.

– Всего-то? А мне показалось, ты был так удивлен, что, увидев меня, не сразу узнал, ожидая встретить кого-то другого!

– Вам показалось, миледи, – подтвердил Джефффри. – Кого, кроме вас, лекаря или слуг, я мог повстречать у дверей в покои сэра Гая?

Недолгое время мы с ним смотрели друг другу в глаза, и я поняла, что Джефффри не скажет, ни за что не скажет мне, какая тайна связана с этими злосчастными стеблями! Но мо-

жет быть, я узнаю от него кое-что другое? И я спросила:

– Кто такой Роберт Рочестер?

Джефффри слегка поднял брови и, помедлив мгновение, сказал:

– Граф Хантингтон, миледи.

Меня словно молния поразила: опять этот таинственный граф Хантингтон!

– Так он существует на самом деле? Почему же я слышала о нем только однажды?

– Не однажды, миледи, а довольно часто, – ответил Джефффри. – Вы просто не знали, что речь шла о нем.

Прежде чем я успела задать новый вопрос, Джефффри добавил:

– Позвольте дать вам совет: никогда не произносите это имя в присутствии сэра Гая.

– Почему? – удивилась я. – Именно сэр Гай и упомянул о нем.

– Потому что между ними вражда, давняя и, к несчастью, непримиримая, – ответил Джефффри и, заметив мое непонимание, пояснил: – До сих пор вы слышали о графе Хантингтоне как о лорде Шервуда.

Перед моими глазами все закружилось, я пошатнулась и упала бы, если бы он не подхватил меня под руку.

– Миледи, вам дурно? Позвольте, я провожу вас в ваши покои!

Я нашла в себе силы только кивнуть в ответ. Крепко при-

держивая мой локоть, Джеффри размеренным шагом повел меня, а я шла и думала, лихорадочно думала о том, что узнала. Так вот кто такой граф Хантингтон! Как же он оказался вне закона? Как давно Гай знаком с ним? Наверное, давно, раз подтвердил слова барона Невилла о том, что граф Хантингтон жив, а потому помолвка сохраняет силу и леди Марианна не может стать женой дяди Роджера. На этой мысли я споткнулась. Подняв голову, я посмотрела на Джеффри и спросила:

– Скажи, как зовут жену графа Хантингтона?

Джеффри чуть прищурился, словно раздумывал, говорить правду или умолчать. Я требовательно сжала его запястье, и он с легким вздохом сказал:

– Супругой графа Хантингтона стала леди Марианна, дочь барона Невилла.

– Леди Марианна?! Та самая?! Как такое возможно?

– Что вас удивило, миледи?

– Ведь его люди убили барона Невилла! Неужели она не знала, что выходит замуж за убийцу ее отца?

– Это были не его люди, миледи. Те, кто напал из засады на сэра Гилберта, нарочно оделись так, чтобы их приняли за вольных стрелков лорда Шервуда.

В голосе Джеффри звучала такая уверенность, что я не смогла не поверить ему.

– Но кто же приказал убить отца леди Марианны и зачем понадобилось устраивать нападение на него таким обра-

зом, чтобы виновными в его гибели посчитали людей графа Хантингтона?

– Чтобы избежать ответственности за совершенное нападение, – кратко ответил Джеффри, и по легкой заминке в его голосе я поняла, что услышала самую малую часть всей правды о гибели барона Невилла. Наверное, на моем лице отразилось сомнение, потому что он очень твердо сказал: – О большем, миледи, я прошу вас не спрашивать. Все, что связано с теми событиями, хранится в тайне, и эта тайна – не моя. Волей случая я оказался в нее посвящен, но говорить о ней не имею права.

Его тон исключал любую настойчивость, которую я могла бы проявить как жена его господина, но мне самой почему-то стало страшно допытываться и дальше. Я сердцем почувствовала, что могу узнать то, что заставит меня раскаяться в любопытстве. Мне было жизненно необходимо узнать другое, и, когда Джеффри довел меня до двери в мои покои, я, стараясь оставаться невозмутимой, спросила:

– Ответь мне, как стебли имбиря связаны с леди Марианной. Ведь как-то связаны, Джеффри! Мне очень важно знать правду.

Он посмотрел на меня испытующим взглядом, словно сомневался, по силам ли мне эта правда, но все же ответил с едва уловимой ноткой сочувствия:

– Их аромат был излюбленным ароматом леди Марианны. Она готовила из стеблей имбиря благовония и была окутана

этим запахом, как дымкой. Я, например, всегда узнавал о ее приближении только по аромату ее духов, раньше, чем слышал ее голос или шаги и видел ее саму.

Вот почему он так странно посмотрел на меня, когда я вышла из спальни Гая!

– Благодарю тебя за откровенность и обещаю молчать о нашем разговоре.

– Это в высшей степени разумно, миледи, за что и я благодарен вам.

На этом мы с Джеффри простились, и я, приказав служанкам удалиться, долго сидела одна, погруженная в мысли, неосознанно перебирая в пальцах имбирные стебли. То, что я узнала, потрясло меня до глубины души. Граф Хантингтон – лорд вольного Шервуда, и леди Марианна – его супруга!

Вот, стало быть, какое второе имя графа Хантингтона! Немудрено, что барон Невилл не пожелал бы объяснять дочери, с кем она оказалась помолвленной. А ведь на меня снизошло озарение, когда я, прикидывая лета графа Хантингтона, вдруг вспомнила слова Гая о лорде Шервуда: «Мы с ним ровесники». Тогда, в Ноттингеме, я посмеялась и отмахнулась от этой мысли, а зря: она была верной. Значит, он не оставил свою нареченную на произвол судьбы, как я думала в Лондоне. Но объявленный вне закона лорд Шервуда – и леди Марианна!..

Припомнив подслушанный мной разговор, в котором Гай делился с Джеффри подозрениями, что леди Марианна

влюблена, я подумала: возможно, он был прав? Ведь ей к тому времени довелось повстречать графа Хантингтона, коль скоро он вызволил ее из рук людей дяди Роджера. Она отдала ему в дар собственного коня, но что ею двигало? Чувство признательности за спасение? И только ли коня она подарила или сердце в придачу? А может быть, она и раньше, до похищения, уже любила его и, вручая награду победителю в состязании лучников, отлично знала, кто стоит перед ней? Не тем ли она и задела дядю Роджера, не эту ли любовь он счел оскорблением для себя? Но как дядя Роджер узнал, что леди Марианна любит графа Хантингтона? Вряд ли она откровенничала с ним! Да и дядя Роджер сам говорил мне, что не знает графа Хантингтона и не верит в то, что он жив.

Мои мысли перекинулись на обстоятельства гибели отца леди Марианны. Джеффри уверен в том, что граф Хантингтон не виновен, а Джеффри, насколько я узнала его, никогда не станет говорить то, о чем не знает. Кто же убил барона Невилла? На ум пришло старое мудрое правило: ищи того, кому выгодно, – и я похолодела от недоброго предчувствия. Смерть барона Невилла была на руку только моему дяде Роджеру. Но зачем бы он приказал обставить ее так, чтобы свалить вину на лорда Шервуда, если не знал, кто он такой и какие чувства его связывали с леди Марианной? Дядя Роджер не знал, а вот Гай... Мне стало совсем дурно. Неужели дядя Роджер сделал это по подсказке Гая? Тогда, выходит, Гай хотел уязвить леди Марианну в самое сердце, заставив

ее думать, что отец погиб по воле возлюбленного. Если моя догадка верна, то в основе подобного замысла лежала месть, но кому – графу Хантингтону или леди Марианне?

– Нет, нет, нет! – с отчаянием прошептала я.

Ведь я любила их и не желала верить ни в жестокость дяди Роджера, ни в коварство Гая. Проведя рукой по лицу, я вновь ощутила аромат имбирных стеблей, и сердце сжала ледяная рука понимания тайной сути минувшей ночи. Джеффри, почувствовав этот запах, оглянулся, ожидая, что увидит леди Марианну, неизвестно каким образом оказавшуюся в нашем замке. А Гай? Одурманенный маковым настоем, он тоже принял меня за нее? Мне хотелось бы верить, что я ошибаюсь, но я знала, что на сей раз никакой ошибки мой разум не допустил. Вопрос о графе Хантингтоне, который ночью задал Гай, удивление, с которым он утром обнаружил меня в своей постели, раздражение, вызванное видом имбирных стеблей, служили тому доказательством. Правда была очевидной и беспощадной: запах стеблей ввел Гая в заблуждение, а маковый настой позволил ему в этом заблуждении остаться. Мой супруг провел ночь со мной, нарушив при этом обет верности, поскольку принял меня за другую женщину. Вспомнив, с какой страстью он целовал меня, как позволял мне то, что всегда запрещал, как обнимал меня, не отпуская от себя даже во сне, я вспыхнула румянцем стыда и унижения. Вот, значит, каким бы был Гай, окажись на моем месте леди Марианна! Строгий со мной до холодности,

с ней – пылкий, горячий, любящий. Во мне вспыхнуло ожесточение, почти ненависть к леди Марианне и обида, горчайшая обида на Гая. Заметив, что я продолжаю держать злочастные стебли, я отшвырнула их с отвращением, словно они превратились в гадких змей.

Но если Гай любит ее, хотя дядя Роджер уверял меня в обратном, как объяснить, что он едва не отправил ее на казнь? А как объяснить отсутствие щепетильности у графа Хантингтона, взявшего в супруги женщину, отмеченную позорным клеймом? И что она все-таки сделала, почему дядя Роджер наложил на нее это клеймо, а после укорял себя в жестокости к ней? Какая загадка таится в леди Марианне, что Гай, дядя Роджер и неизвестный мне граф Хантингтон ведут себя так, словно на ней свет клином сошелся? Даже Джефффри говорил о ней с сочувствием, а я сама битый час не могу выкинуть ее из головы!

Мысли о леди Марианне не покидали меня несколько дней. Конечно, я постаралась ничем не выдать себя Гаю, помня советы Джефффри и не желая подвести его самого, приоткрывшего завесу тайны, которая столько времени меня мучила. Но когда в замок приехал дядя Гесберт, чтобы проведать Гая и меня, я обрушила на него все свои догадки и вопросы. Дядя Гесберт всегда был очень мягок со мной, но в этот раз обошелся крайне строго и резко, напустившись на меня, как на пропащую грешницу:

– Где твоя лояльность к супругу, Беа? Как ты смеешь по-

дозреть его и Роджера в убийстве Гилберта Невилла? Рочестер вознамерился забрать леди Марианну в Шервуд с ее согласия. Как ты думаешь, барон Невилл позволил бы им сделать это?

– Не хочешь же ты сказать, что граф Хантингтон приказал своим людям убить отца леди Марианны с ее ведома?

– Это я и говорю тебе. Они стоят друг друга – граф Роберт и леди Марианна, и оба – очень дурные люди. Мне бесконечно жаль, что попытка сэра Гая покончить раз и навсегда с Робертом Рочестером не увенчалась успехом, а эта язычница избежала костра. Я ведь уже запрещал тебе упоминать о ней! Лучше бы ты молилась за упокой Роджера, любившего тебя всем сердцем.

– Дядя Роджер умер?! – не поверила я. – Как? Когда?!

– Тогда же, когда граф Хантингтон избежал заслуженной кары. Он убил Роджера и спрятал его тело. Никто не знает, где Роджер зарыт без погребения. Вот о ком думай, Беа, а еще о том, как быстрее исполнить долг доброй супруги и подарить сэру Гаю наследника!

Закончив свою отповедь, дядя Гесберт был настолько рассержен, что ушел, оставив меня в слезах по дяде Роджеру, не даровав ни утешения, ни благословения. Потом мы узнали, что дядя Роджер не погиб, а покинул Англию, никому не сказав об этом. Прибыв на континент, он поселился в обители, принял монашеский обет и только тогда известил дядю Гесберта письмом о своем решении. Но пока я об этом не

узнала, каждый день зажигала свечу в память о дяде Роджере, молилась за него, и оплакивала его смерть, и ненавидела, всем сердцем ненавидела графа Хантингтона и леди Марианну, уверовав в их злодейскую сущность. Когда же стала известна подлинная судьба дяди Роджера, ненависть к графу Хантингтону покинула мое сердце, а к леди Марианне лишь улеглась. Я не могла простить ей ту ночь, хотя рассудком понимала: она не виновата в том, что Гай принял меня за нее. Но разум – плохой помощник в сердечных делах. А вскоре случилась моя роковая встреча с леди Марианной, после которой я утратила даже ту малую толику приязни Гая, что была в его сердце.

Глава третья

Закончив завтрак, я послала за сыном.

– Матушка! Какая ты красивая в этом платье! – пролепетал с порога Лайонел.

Я открыла объятия, и мой сын, мой маленький ангел, бросился ко мне со всех ног. Я усадила его себе на колени и поцеловала в лоб со словами благословения. Сын улыбнулся, и я, не удержавшись, расцеловала его в милые ямочки, появлявшиеся на щечках Лайонела всякий раз, когда он улыбался.

– Хорошо ли ты спал? – спросила я. – Видел ли во сне добрых фей?

– Только одну, матушка, и она была похожа на тебя, – ответил Лайонел, и мое сердце сжалось от щемящей нежности и любви.

Иногда мне казалось, что Лайонел – это Гай в детские годы, и, встречая любящий взгляд темно-ореховых глаз сына, я обманывала себя, видя вместо Лайонела Гая и веря, что это он смотрит на меня с такой бесконечной любовью. Лайонел очень походил на Гая, но сходство с отцом не помогло сыну: Гай холодно относился к нашему мальчику, постоянно говоря о том, что лучше бы Лайонел унаследовал его характер, а не облик. Лайонел был мягким, очень добрым, плакал, ес-

ли вдруг видел, как топят щенков, которых псари отбирали из помета, посчитав негодными. Гая его слезы приводили в раздражение, он делал Лайонелу резкие выговоры, от которых сын плакал еще горше, и тогда раздражение переходило в гнев. Гай ни разу не поднял на него руку, но этого и не требовалось. Ему было достаточно понизить голос, и бедный Лайонел начинал дрожать от страха, а я, наблюдая за ними, была вынуждена молча страдать, зная, что мое вмешательство только усугубит недовольство и гнев Гая.

Лайонелу минуло всего четыре года, но по приказу Гая платьица, обычные для детей столь нежного возраста, заменили рубашками, курточками, штанами и сапожками, словно одежда, которая годится для мальчиков постарше, могла изменить мягкий нрав Лайонела, сделать его твердым и мужественным. Было бесполезно объяснять Гаю, что мужские свойства придут к сыну сами собой, по мере взросления. Первый раз он оборвал меня пощечиной, потом попросту не слышал моих слов, как не видел и меня саму. Его отношение к сыну заставляло меня бояться за Лайонела. Что будет с моим ненаглядным мальчиком, когда меня не станет? Кто скажет ему доброе слово? Кто успокоит его страхи, и особенно страх перед всегда суровым, холодным, немногословным отцом? Если бы у Лайонела были братья и сестры, он не остался бы так одинок. Но других детей, кроме Лайонела, мы не зачали, а через год после его рождения Гай сказал мне в лицо, что не видит смысла и дальше делить ложе

с бесплодной женой. Не стану отрицать, его слова уязвили меня, но не так сильно, скажи он их годом раньше. К тому времени я немного свыклась с его переменой ко мне и поняла, что не в моих силах вернуть прошлое.

В прошлом я наивно полагала, что Гай любит меня, но присущая ему сдержанность не позволяет ему открыто извлекать чувства. Ко мне не успело прийти понимание, что учтивость, которую он проявлял ко мне как к супруге, я приняла за любовь. Я все еще пребывала в заблуждении, когда учтивость сменилась холодным презрением, едва ли не ненавистью. Он до сих пор не простил мне прилюдного унижения, которому я невольно подвергла его, а первое время даже обвинял меня в том, что я своей глупостью помогла его врагам одержать над ним верх.

Сын дернул меня за рукав:

– Матушка, о чем ты задумалась? Мне надо спешить: отец, встретив меня по пути к тебе, приказал не мешкая спускаться во двор. Я боюсь заставлять его ждать слишком долго!

Заметив в его глазах тревогу, я поторопилась успокоить Лайонела:

– Не бойся, мой мальчик, ты пробыл у меня от силы четверть часа. Пойдем, я сама провожу тебя к отцу.

Я взяла сына за руку, и мы так быстро, как позволяли маленькие ножки Лайонела и мое сбивавшееся на кашель дыхание, спустились во двор. К нашему взаимному облегчению, Гая нигде не было видно. Осведомившись у ратника,

где лорд, я узнала, что Гай возле конюшни упражняется с Джеффри на мечах, и мы с Лайонелом поспешили туда.

Заметив меня, Гай недовольно повел бровью.

– Зачем ты пришла, Беатрис? – спросил он, не прекращая поединка. – Здесь пыль стоит столбом, у тебя начнется приступ кашля. И для чего ты вырядилась в это платье?

Он давно взял в привычку называть меня полным именем. После того рокового дня в Руффорде ласковое Беа было им напрочь забыто. Я хотела сказать, что желаю быть погребенной в этом платье и надела его затем, чтобы Гай не забыл о моем желании. Это платье стало для меня символом счастья, разминувшегося со мной, любви, не нашедшей взаимности, надежд, которым не суждено было сбыться. Пусть же оно со мной и останется. Но, заведи я подобную речь, Лайонел бы ударился в слезы, а Гай пришел бы в ярость, и, отложив разговор на потом, я ответила:

– Лайонел сказал, ты ждешь его во дворе. Я решила проводить его к тебе.

– Разве он настолько глуп, что не смог бы найти дорогу без твоей помощи? – холодно осведомился Гай и, отдав Джеффри меч, подошел к сыну, намеренно не глядя на меня.

Я почувствовала, как ладошка Лайонела задрожала в моей руке, и ласково сжала его пальчики, чтобы подбодрить. Гай протянул Лайонелу руку со словами:

– Иди со мной. Продолжишь учиться ездить верхом. До сих пор ты огорчал меня тем, как держался в седле. Поста-

райся не разочаровать хотя бы сегодня.

Из конюшни вывели рослого жеребца, и я с болью в сердце заметила, как губы Лайонела беспомощно запрыгали в преддверии скорых слез. Мой бедный мальчик боялся лошадей, а все попытки убедить Гая начать обучение Лайонела на пони, более подходящим ему по росту, не увенчались успехом. Зная, что и сейчас мое вмешательство принесет вред, а не пользу, я молча наблюдала. Гай посадил сына в седло, и Лайонел вцепился в конскую гриву, отчаянно боясь упасть.

– Отпусти гриву и возьми поводья, – приказал Гай и соизволил бросить взгляд на меня: – Ты хотела проводить его ко мне и проводила. Почему до сих пор не ушла? Тебе что-то нужно от меня?

«Тепла, заботы, участия, нежности, любви!!!» – едва не вырвалось у меня в ответ, но все эти милые сердцу слова я проглотила, как застрявший в пересохшем горле комок.

– Да, я хотела бы посетить обитель, где погребен мой дядя Гесберт, и помолиться на его могиле, на что прошу твоего позволения.

Гай равнодушно пожал плечами:

– Можешь отправиться завтра на рассвете, если тебе пришла в голову подобная блажь, и даже остаться там хоть на неделю. Джеффри распорядится о твоей поездке, а Джоанна в делах по хозяйству справится без тебя, как справлялась до сих пор.

Я позволила себе усмешку. Джоанна была весьма толко-

вой, чтобы справиться с делами хозяйки замка в мое отсутствие, но я знала, что она часто заменяет меня и в постели, да и не она одна. При виде любой миловидной и светловолосой служанки я могла безошибочно сказать, что девушка либо уже побывала на ложе моего супруга, либо однажды взойдет на него. Гай всегда выбирал из служанок светловолосых для постельных утех, и я знала, чем обусловлен такой выбор. Ревновать к этим девушкам не имело смысла: в каждой из них он видел другую женщину, одну и ту же – графиню Хантингтон, чьи косы были светлыми в отличие от моих темно-каштановых, когда-то роскошных кудрей.

– Больше ничего, Беатрис? Тогда уходи, ты мешаешь, отвлекая Лайонела.

Поймав взгляд сына и прочитав в его глазах робкую просьбу о помощи, я улыбнулась и помахала рукой, чтобы хоть как-то подбодрить мальчика, боявшегося остаться с отцом один на один. Возвращаясь к себе, я очень надеялась, что Лайонел справится со страхом и не рассердит Гая слезами. Упасть с коня Гай ему не даст, поймает, а вот из-за слез Лайонелу не поздоровится.

От тревоги за сына я отвлеклась мыслями о предстоящей поездке в обитель. Я не ожидала, что Гай так легко даст разрешение: он не любит, когда я покидаю замок, и я догадываюсь почему. Мой болезненный вид унижает его, он стыдится меня. А прежде я даже боялась, что он вынудит меня принять постриг, затворит в монастыре и таким образом освобо-

дится от брачных уз. Но он никогда не заговаривал со мной о постриге, и постепенно я поняла, в чем причина. Единственная женщина, которую он хотел видеть своей женой, была замужем, оставалась недоступной для него, и не я, а граф Хантингтон был для Гая непреодолимым препятствием на пути к этой женщине. Если бы с графом случилось несчастье, я и опомниться бы не успела, как оказалась под монашеским покрывалом. Но граф Хантингтон обладал отменным здоровьем. Наместник короля в Средних землях, он был недостижим для Гая, да и раньше, пока он оставался в Шервуде, Гай не сумел добраться до него, как ни старался. Однажды у Гая почти получилось, но его вновь постигла неудача, и – увы! – не без моего, пусть вынужденного, участия.

Я отдала бы половину жизни за то, чтобы вернуть тот злополучный день и остаться в замке до возвращения Гая. Ах, каким бы тогда этот день стал для моего супруга! Навсегда покончив с лордом Шервуда, он получил бы радостное известие о том, что у нас будет дитя. Благодаря моей неосторожности и беспощадности, проявленной ко мне леди Марианной, все сложилось иначе.

У меня возникли подозрения, что я понесла до того, как Гай посчитал себя достаточно оправившимся от раны, чтобы вернуться в супружескую спальню. Внезапные головокружения, легкая дурнота по утрам вначале озадачили меня, а потом стали причиной радости, когда я поняла, что той ночью,

когда Гай принял меня за леди Марианну, мы зачали ребенка. Наконец-то я смогу с полным правом считать себя доброй супругой! Но я решила немного подождать, ничего пока не говорить Гаю, и тому были две причины. Во-первых, я должна быть твердо уверена в том, что нахожусь в тягости. Ошибка повлечет разочарование Гая, а этого я не желала всем сердцем. А во-вторых, он сразу решит спать отдельно, как только узнает о моей беременности. Пусть наши ночи стали прежними и мне больше не довелось вкусить такого блаженства, как в ту единственную ночь, но я дорожила и теми сдержанными безмолвными соитиями, которые между нами происходили.

В начале апреля я совершенно уверилась, да и мой стан начал полнеть. Пришло время признаваться Гаю, пока он сам не заметил, как мой живот округлился, иначе вместо похвалы я получила бы от него упрек за молчание. Я уже собиралась открыться ему, как он затеял охоту, в которой я отказалась участвовать, сославшись на дурное самочувствие. Пусть поохотится, потешит себя, а когда вернется, довольный проведенным днем, я обо всем расскажу ему перед вечерней трапезой. Он уехал до рассвета, а к полудню от него неожиданно прибыл гонец, и все ратники во главе с Джефффри немедленно вскочили на лошадей и умчались из замка. Если бы я тоже выслушала гонца, то не покинула бы замок до возвращения Гая. Если бы Джефффри остался в замке, он не выпустил бы меня за ворота. А так я не нашла ни-

чего предосудительного в том, чтобы развлечься невинной забавой. Приказав оседлать мою белую лошадку и взяв с собой нескольких слуг, я отправилась на прогулку по окрестностям.

Мы ехали живописной дорогой вдоль опушки, и я радовалась свежему воздуху, напоенному ароматами молодой листвы и травы, как вдруг раздалась звонкая птичья трель.

– Слышите? Малиновка! – воскликнула я, и в следующее мгновение оказалась окруженной всадниками в зеленых куртках, на рукавах которых серебрились одинаковые эмблемы из букв, слагавшихся в слово «Шервуд».

Моих слуг сдернули с коней и связали, но никого не убили и даже не поранили, и сама я была невредима, но мне стало очень страшно. Лица всадников хранили непроницаемое выражение, и в глазах ничего было нельзя прочесть.

– Леди Беатрис! – услышала я и обернулась на голос.

Один из всадников сбросил с головы капюшон, из-под которого выпали светлые косы, и я узнала леди Марианну. От неожиданности я несколько раз моргнула. Заметив это, она улыбнулась одновременно и снисходительной, и удовлетворенной улыбкой, словно ожидала встретить именно меня и была очень довольна встречей.

– Леди Марианна! – воскликнула я. – Помогите мне ради нашей прежней дружбы! Мои люди и я подверглись нападению!

Всадники дружно рассмеялись, и леди Марианна вместе с

ними. Я поняла, что сказала глупость, обратившись к ней за помощью. Ведь она была среди тех, кто напал на меня, одета и вооружена так же, как они. Но, кроме нее, я больше никого не знала и только ее могла просить если не о помощи, то о снисхождении.

– Вам нечего бояться, леди Беатрис! – заговорила леди Марианна, и всадники тут же смолкли как по команде, внимая каждому ее слову. – Никто из ваших слуг не пострадал, и вашей жизни ничего не грозит. Вам придется поехать с нами, не слишком далеко отсюда, и потом мы вас отпустим.

Всадник, державшийся к ней ближе всех, спросил:

– Ты уверена, Марианна?

Она мельком бросила взгляд на него и ответила:

– Да, Вилл, я уверена! Если ты хочешь спорить со мной, мы рискуем потерять время.

В голосе всадника, которого леди Марианна назвала Виллом, я услышала сомнение и, почувствовав поддержку, взмолилась еще горячее:

– Прошу вас, отпустите меня! Ведь я только слабая женщина, к тому же в тягости!

При этих словах глаза леди Марианны так и впились в меня.

– Вы ждете ребенка, леди Беатрис? – Я кивнула, и она удивленно подняла бровь: – И ваш супруг, зная, что вы в тягости, позволил вам покинуть замок? Без сопровождения ратников? Именно в этот день?

Не понимая в ту минуту сути ее последнего вопроса, я ответила:

– Гай не знает о моем положении, как не знает и том, что я отправилась на прогулку! – Вспомнив, что она сама не так давно потеряла ребенка, я сказала проникновенно, как только могла: – Вы же знаете, что для младенца в чреве губительно любое волнение матери. Ведь вы на себе испытали пагубность подобных волнений!

Мои слова почему-то вызвали мертвую тишину. Я увидела, как лица всадников потемнели, словно я допустила непростительную бестактность, а леди Марианна рассмеялась коротким сухим смешком.

– Значит, все дело было в волнении? Так вам сказали? – протянул всадник, на скуле которого белел шрам.

Теперь уже тот самый Вилл, в котором я пыталась найти союзника, бросил на меня холодный взгляд и приказал:

– Дикон, возьми леди Гисборн на коня и держи ее крепко, но бережно! Наша леди права: эта дама окажет нам услугу, если мы приедем не первыми.

Тот, кому он отдал приказ, усадил меня на лошадь впереди себя. Я едва успела схватиться за гриву, как леди Марианна махнула рукой и всадники сорвали коней с места в галоп. Они мчались во весь опор, и я вместе с ними. Мной владело только одно чувство – страх. Я не знала, куда меня везут, и боялась неизвестности, гнева Гая, когда он узнает, что со мной приключилось. Но больше всего я боялась

незнакомки, которая возглавляла отряд вольных стрелков. Я не видела леди Марианну год, и как же она изменилась! Не обликом – облик остался прежним, – но взглядом, движениями, повадками. Не снимил она капюшон, я не отличила бы ее от прочих всадников. Мужская одежда смотрелась на ней так естественно, словно она носила ее от рождения. И таким же естественным выглядел меч, убранный в ножны на ее поясе, колчан с луком и стрелами, переброшенный с плеча на спину. Я не знала, чего ожидать от этой женщины, с которой когда-то была знакома, и боялась ее больше мужчин.

Впереди замелькал свет. Леди Марианна осадила коня и вскинула руку, призвав остальных всадников последовать ее примеру. Я увидела, что мы на окраине какого-то селения, услышала лай собак, разглядела сквозь темноту неясные очертания людей, поняла, что их собралось очень много несмотря на поздний час. Всадники тем временем безмолвно растягивались в цепь, приближаясь к всполохам света, пока не замерли неподвижно. Я услышала гневный голос Гая, переходящий в крик, негромкий насмешливый голос леди Марианны и впервые увидела Роберта Рочестера, графа Хантингтона, лорда Шервуда.

Окруженный ярким кольцом факелов, он один и был доступен взорам, остальные теснились за границей огненного кольца. Его руки были связаны за спиной, но стоял он высоко подняв голову, гордо расправив плечи, выпрямившись во весь рост. Черты его лица я плохо разглядела в свете пляшу-

щих огней, заметила только кровь на нем. Неожиданно граф Роберт улыбнулся, и его голос, обращенный к леди Марианне, был подобен мощной прохладной волне, омывшей всех, кто находился рядом в ту минуту. И такой же волне, встречной и более ласковой, уподобился ее голос, прозвучавший в ответ. Я не разобрала всех слов, которыми они обменялись, услышала лишь:

– Моя леди!

– Мой лорд!..

В их голосах едва уловимо, но так пронзительно звучала взаимная нежность, что люди смолкли и даже собаки перестали лаять. Он и она неотрывно смотрели друг на друга, словно никого, кроме них, не было не только в этом селеении, но и на всем белом свете, пока наступившую тишину не разорвал неузнаваемый, искаженный от ярости крик моего супруга. Волшебство разрушилось и сменилось кошмаром.

Как прежде я увидела в леди Марианне незнакомку, так в тот миг не смогла узнать мужчину, которого любила, чьей женой стала. Гай походил на бесноватого. Он выкрикивал угрозы в адрес и графа Роберта, и леди Марианны, а потом приказал лучникам стрелять в пленника. Мой брат обхватил Гая руками, сиюсь успокоить, уговаривал смириться и освободить графа Роберта, если Гай не хочет, чтобы все полегли под шервудскими стрелами. Но Гай вырывался, твердил, что ему все равно, пусть он сам погибнет, но прежде умрет граф Роберт. Неизвестно, как долго продолжалось бы это безумие,

не положи ему конец леди Марианна. Она вступила с Гаем в переговоры, предложив обменяться пленниками. Спрыгнув с коня, она и меня сняла с лошади и поставила рядом с собой.

Гай посмотрел на меня, и в первый момент я подумала, что он не узнал собственную жену. Нет, он узнал и смотрел на меня с такой ненавистью, что я чуть не разрыдалась и попыталась спрятаться от его глаз за леди Марианну. Казалось, ему ничего не остается, кроме как согласиться на ее условия. Так думала я, и, наверное, не я одна. А Гай совершенно спокойным тоном заявил, что леди Марианна предлагает неравный обмен. Дескать, у нее есть только я, а в его руках жизнь графа Роберта и его друга. Обмен будет равным, не менее хладнокровно возразила леди Марианна, поскольку леди Бетрис ждет ребенка.

Вот так Гай узнал то, о чем я с таким трепетом собиралась сказать ему, когда он вернется с охоты. Но в тот день он охотился не на зверей, а на людей, и новость о том, что он станет отцом, узнал не от меня, а от леди Марианны. Все перевернулось с ног на голову.

Но даже после ее слов о ребенке он не поспешил с обменом. Брайан смотрел на Гая с ужасом, спрашивал, почему он медлит, о чем тут вообще можно думать! А Гай... Он повернулся ко мне спиной и ответил Брайану, что ничем не рискует: стрелки вольного Шервуда никогда не причинят мне вред, поскольку придерживаются принципа, по которому мужчина не может поднять руку или оружие на женщину.

«Да, это так, – подтвердила леди Марианна, – но ты упустил одну мелочь, Гай. Я не мужчина, и мои руки ничем не связаны». Он посмеялся над ней, а она в ответ молча приставила нож к моему горлу. Почувствовав холодное прикосновение металла к коже, я испугалась не ножа. Я смотрела на Гая и не могла поверить своим глазам: он не сделал ни шага ко мне и лишь с улыбкой смотрел на леди Марианну, словно подбадривал ее. Давай, мол, попробуй! Она едва заметно шевельнула рукой, и по моей шее побежала горячая липкая жидкость. Из груди Брайана вырвался страшный крик, и только тогда Гай сдался, сказал ей: «Остановись, я согласен».

Я плохо помню, что было дальше. Она отпустила меня, и я осела на землю. Возле меня оказался Гай, вскинул на руки, унес за цепь вольных стрелков и небрежно, словно я была ненужной ношей, передал Брайану. Последнее, что я увидела перед тем, как окончательно провалиться в обморок, были граф Роберт и леди Марианна. Склонив голову, она прижалась лбом к его плечу, а он, улыбнувшись, обнял ее и поцеловал в макушку.

Очнулась я, когда мы возвращались в замок, и обнаружила, что сижу на лошади перед Джеффри. Почему он везет меня?

– Сэр Брайан хотел сам позаботиться о вас, но у него сильно дрожали руки. Опасаясь, что он вас уронит, я решил: вам безопаснее ехать со мной, – раздался над ухом голос Джеффри, отвечая на не заданный вслух вопрос.

– А мой супруг? Где сэр Гай? – спросила я, с трудом шевеля губами.

– Впереди, – кратко ответил Джеффри и, прежде чем я успела спросить, почему Гай не взял меня на своего коня, приставил к моим губам флягу с водой.

Я пила и не могла напиться. Вода текла по подбородку, шее, груди, а по лицу бежали слезы, на губах мешаясь с водой.

– Успокойтесь, миледи! – шептал Джеффри, вытирая рукавом мое лицо. – Все обошлось, вы не пострадали.

– А мое дитя? Что если у меня будет выкидыш? – захлебываясь слезами, шептала я, уткнувшись лицом в сгиб его локтя. – Ненавижу!

– Кого, миледи?

– Леди Марианну! Ей ли не знать, не она ли сама от пережитых волнений разрешилась от бремени раньше срока?!

Джеффри как-то странно усмехнулся и очень тихо сказал:

– Я уверен, миледи, с вами подобной беды не случится. Волнения, погубившие дитя леди Марианны, были совсем иного рода, поверьте!

Как будто мне сейчас было дело до чьих-то волнений, кроме собственных! Я нуждалась в утешении, и прежде всего – супруга, а он ехал далеко впереди, словно меня здесь не было.

– Я думала, ты ратник, а не повитуха, чтобы разбираться в подобных делах! – злобно сказала я. – Изволь пришпорить

лошадь и поравняться с моим супругом!

– Простите, миледи, но я не стану торопить коня, – ответил Джеффри и, когда я вскинула голову и обожгла его гневным взглядом, спокойно добавил: – Ради вас же самой. Сэр Гай сейчас в ярости, и ваше внезапное появление в Руффорде – тому не последняя причина. Дайте ему время прийти в себя, а до тех пор вам лучше не показываться сэру Гаю на глаза.

– Да как ты смеешь перечить своей госпоже?! – вспыхнула я. – Делай то, что тебе приказано!

Помедлив, Джеффри пришпорил коня и нагнал Гая. Муж не соизволил повернуть голову, а, продолжая смотреть вперед, процедил:

– Убери ее с моих глаз, Джеффри! Видеть не могу эту дурю!

Я задохнулась и едва не упала с коня, но Джеффри успел подхватить меня. Заставив лошадь попятиться, он еле слышно шепнул:

– Я ведь предупреждал, миледи! Зря вы меня не послушались. Теперь придется ждать много дольше, пока сэр Гай сменит гнев на милость.

Я молча глотала слезы, а Джеффри – возможно, с намерением дать мне время успокоиться – отвлекся на собственные дела. Подозвав одного из ратников, он спросил:

– Том, ты запомнил тех, кто бросился вам на подмогу?

Ратник кивнул, не спуская с Джеффри глаз.

– Тогда разыщи их, немедленно! Я хочу видеть обоих, сейчас же.

Ратник пришпорил коня и скрылся в темноте. Вместо него примчались двое других и вопросительно посмотрели на Джеффри. Стараясь не думать о предстоящем объяснении с Гаем, я принялась разглядывать ратников, пытаюсь понять, чем они навлекли на себя гнев Джеффри. А он был несомненно разгневан, поскольку даже не удостоил этих двоих взглядом, сказав им предельно жестко:

– Как только мы вернемся в замок, вы оставите оружие, лошадей, снимите с себя кольчуги и сюрко с гербом сэра Гая и уберетесь прочь.

– Почему?!

– За что? В чем мы провинились?!

Услышав в возгласах ратников удивление и возмущение, Джеффри повел глазами в их сторону:

– Сколько вы служите под моим началом? Месяц – я не ошибся? И целого месяца вам не хватило усвоить, что означает дисциплина? Значит, вы безнадежны. Потому и убирайтесь.

Я увидела, как один из ратников украдкой бросил взгляд на Гая. Наверное, Джеффри тоже поймал этот взгляд и очень тихо сказал – таким тоном, что, не знаю как ратников, а меня прошибло холодным потом, словно мне не хватило кошмаров этого дня:

– Хотите пожаловаться на меня? Попробуйте! Я не стану

препятствовать.

Судя по долгому молчанию, ратники явно не спешили к моему супругу с жалобами на Джеффри. Они потупили глаза и наперебой умоляюще забормотали:

– Куда же нам идти?!

– На ночь глядя, без денег и оружия!

– Не моя забота, – отрезал Джеффри.

Ратники заставили лошадей попятиться, и больше я никогда их не видела.

– В чем они провинились?

Джеффри помедлил, словно обдумывал, стоит ли говорить, но ответил:

– Они допустили своеволие, миледи, действуя по собственному почину, без всякого на то разрешения.

Я невольно сжалась в комок и метнула взгляд в сторону Гая, который по-прежнему ехал впереди, ни разу не оглянувшись на меня. Я не стала допытываться у Джеффри, в чем проявилось своеволие ратников, только что изгнанных из дружины и из самого замка. Что мне за дело до их провинности! Ведь я тоже была виновна в своеволии и лишь положение супруги и беременность позволяли мне робко надеяться на снисходительность Гая. В то время я все еще питала иллюзии, что Гай умеет быть снисходительным.

По возвращении в замок служанки помогли мне раздеться, уложили в постель, напоили горячим поссетом¹. Я ждала,

¹ Традиционный английский горячий напиток из молока или сливок с добав-

что Гай придет ко мне, ждала и боялась увидеть его. Надежда на прощение таяла с каждой минутой. В голове неустанно звучало грубое слово, которым он назвал меня. Когда я перестала надеяться, он пришел, но не один, а с Брайаном, и, наверное, по настоянию моего брата. Встретившись глазами с Гаем, я невольно залилась слезами.

– Прекрати рыдать, Беатрис! – ледяным тоном потребовал Гай и, и грубо взяв меня за подбородок, заставил запрокинуть голову: – Где же порез, Брайан? Я не вижу на шее твоей сестры даже царапины!

– Но кровь! – возразил Брайан. – Я сам видел, как она текла по шее Беатрис из-под ножа!

– Кровь! – усмехнувшись, Гай отпустил мой подбородок и отошел от кровати. – Милый Брайан, кровь, которую ты видел, была кровью леди Марианны. Волчица обманула меня, порезав собственную ладонь, чтобы я поверил в серьезность угрозы, и я поверил, попался на ее уловку. Воистину, возьми в жены глупую женщину – и сам не заметишь, как поглупеешь!

Я вздрогнула от нового оскорбления, прозвучавшего из уст супруга.

– Если и так, Гай, она все равно обошлась с Беа безобразно жестоко, зная, что моя сестра в тягости! – упорствовал Брайан.

лением пряностей, створенный вином или пивом; применялся как снотворное и лекарство от простуды.

Гай повел глазами в сторону моего брата, очень устало вздохнул и сказал:

– Брайан, оставь меня наедине с твоей сестрой, которая по несчастью доводится мне супругой.

Я почувствовала непритворный страх при мысли, что сейчас останусь с Гаем одна, забыв, как страстно ждала его появления. Выражение его лица не обещало ни ласкового утешения, ни малейшего сочувствия. Поцеловав меня в мокрую от слез щеку, Брайан шепнул мне на ухо слова ободрения и поддержки. Когда дверь за братом закрылась, Гай опустил-ся на табурет возле моей кровати и, уронив руки на колени, впал в глухое молчание, глядя перед собой невидящими глазами. Мне стало еще больше не по себе, я тихо всхлипнула, и Гай вспомнил обо мне. Повернув голову, он долго смотрел на меня невыразительным взглядом. Наконец его губы шевельнулись, и он сказал:

– Возьми себя в руки, Беатрис. Я устал от твоих рыданий.

– Я очень испугалась, – робко ответила я в свое оправдание и просунула дрожащие пальцы в его ладонь.

– Ты испугалась! – насмешливо повторил Гай и, отстранив мою руку, холодно подтвердил: – Да, тебе есть чего бояться. По легкомыслию ты, зная, что понесла, но не сказав мне об этом, отправилась на прогулку и оказалась там, где тебя не должно было быть. Именно тебя, Беатрис! Мало того, ты вдобавок разболтала о своей беременности тем, с кем я воюю не на жизнь, а на смерть, о чем тебе было известно.

Молись, Беатрис, усердно молись о том, чтобы родить мне здорового, сильного первенца и чтобы он оказался сыном. Если твои молитвы не будут услышаны, я разведусь с тобой.

Меня как холодной водой окатило.

– За что, Гай? – прошептала я. – Не будь так жесток! Ведь я люблю тебя.

– И что мне дала твоя любовь? – усмехнулся Гай, терзая меня ледяным, ничуть не смягчившимся взглядом. – Прилюдное унижение, которое мне довелось испытать сегодня по твоей вине? Дело даже не в том, что я был вынужден освободить графа Хантингтона. И он, и она, все его стрелки, все мои ратники и слуги, простолюдины Руффорда – все! – увидели, какую жалкую и глупую женщину я выбрал в супруги. Ты выставила меня на посмешище, Беатрис.

Я сжималась в комок, изнемогая под тяжестью упреков Гая, самого звука его голоса, полного горечи, а он, не замечая моих страданий, продолжал говорить:

– Отныне ты не смеешь покидать замок без моего разрешения. В тягости ты или нет, здесь я или в Ноттингеме, не вздумай ослушаться. И не лсти себе мыслью, что меня заботит твоя безопасность. Я стыжусь тебя и не желаю, чтобы ты показывалась на людях, вызывая смешки и жалость. Женщина, которой я дал свое имя, не имеет права быть жалкой, а ты жалкая, Беатрис.

С этими словами, не простившись со мной, Гай ушел. Дрожа всем телом, я зарылась в подушки и проплакала до

утра, с наступлением которого у меня началась новая жизнь, и ни одной женщине в мире я не пожелала бы такой жизни – ни одной, за исключением леди Марианны. Я возненавидела ее с новой силой, и с каждым днем моя ненависть к ней росла. Я влачила горестное одинокое существование, хотя Гай неотлучно пребывал в замке, забросив дела Ноттингемшира, оставляя без ответа призывы сэра Рейнолда. Помня, как он назвал меня жалкой, я всеми силами старалась его разуверить в подобном мнении, держалась на людях с достоинством и приветливой улыбкой. Наверное, у меня плохо получалось, потому что губы Гая то и дело кривила презрительная усмешка. Когда он смотрел на меня, его глаза оставались холодными. До разговоров со мной он не снисходил. От служанок я узнавала, что по вечерам он пьет слишком много вина.

Не выдержав пытки отчужденностью, которой Гай подвергал меня, я унизилась до того, что однажды выплакала свою боль Джеффри, попросила слугу вступиться. Джеффри был очень тактичен, попытался убедить меня в том, что мой брат – более пригодный посредник в делах между мной и Гаем. Но я не слушала его, пребывая в полном отчаянии. К нам больше не приезжали гости, и Брайана я не видела с того рокового дня.

Не знаю, предпринял что-то Джеффри или нет, но Гай вдруг стал навещать меня перед сном. Мне очень хотелось верить, что он приходит по собственному желанию. Было

слишком унизительно думать, что его визитам я обязана заступничеству Джеффри. Гай не задерживался надолго, освещаясь о моем самочувствии, спрашивал, не нуждаюсь ли я в чем-либо, целовал меня в лоб и уходил. К счастью, я хорошо себя чувствовала, ребенок в утробе рос и начал шевелиться. Когда я сказала об этом Гаю, он даже приложил ладонь к моему располневшему животу и, почувствовав движение ребенка, улыбнулся неожиданно тепло. Эта улыбка вернула надежду, что однажды Гай простит меня и вернет мне свое расположение. Только бы родить ему сына, а не дочь, и я горячо молилась о сыне денно и ночью.

В самом конце лета Гай куда-то отправил всю свою дружину во главе с Джеффри, не оставив даже малого числа ратников для охраны замка, а через несколько дней и сам покинул его. Поскольку большая часть дружины вернулась, я узнала, что король Ричард сейчас пребывает в Англии, и ратники Гая принимали участие в штурме Ноттингема, не пожелавшего открыть ворота законному государю. Конечно, сэра Рейнолда всегда был преданным сторонником принца Джона, но не на погибель же себе самому! Еще одним удивительным обстоятельством было то, что вместе с королевскими войсками на стенах Ноттингема сражались и стрелки вольного Шервуда.

Наконец Гай возвратился в замок. Он был очень мрачен, и я побоялась подступить к нему с вопросами. Но он сам поведал мне, что был в Ноттингеме, куда его вызвал король.

– Как он обошелся с тобой? – отважилась спросить я. – Милостиво?

– Более милостиво, чем с тестем твоего брата. Сэра Рейнолда ждет заточение, и, учитывая его возраст, полагаю, что там он и окончит свои дни. Я всего лишь остался не у дел – за то, что уклонился от участия в осаде и штурме Ноттингема.

– Но ведь ты направил к Ноттингему своих ратников, всех до единого!

– Ричард посчитал это недостаточным проявлением преданности ему, – ответил Гай и замкнулся в молчании.

От ратников я знала, что граф Хантингтон в отличие от Гая наравне со своими стрелками принял участие во взятии Ноттингема, и мне очень хотелось узнать, какую награду он получил от короля. Но спрашивать об этом Гая было бы верхом безрассудства, и я не спросила. Он вдруг сам сказал без всяких вопросов:

– Наибольшей милости Ричарда удостоился Роберт Рочестер. Полное и безоговорочное помилование ему и тем, кто был с ним в Шервуде, возвращение всех владений, подтверждение графского титула. Король прямо-таки очарован им, как и его супругой. При штурме Ноттингема он принял ее за юношу, увлек в битву к воротам, а узнав после, кто она, был чрезвычайно обескуражен. Он ведь едва не посвятил ее в рыцари, настолько был покорен ее доблестью и отвагой! Чтобы искупить свою оплошность, он преподнес ей в дар графские регалии из золота с рубинами, в которых она и была на обеде

у короля.

Пока он говорил о леди Марианне, его голос непривычно смягчился, глаза засияли, а на губах появилась такая нежная улыбка, которой он ни разу меня не достаивал, даже в день нашей свадьбы. Не сводя с Гая глаз, я прошептала:

– Ненавижу!

Как ни тихо я произнесла это слово, Гай услышал и, бросив на меня насмешливый взгляд, осведомился:

– Ты ненавидишь? Не ожидал, что ты способна на ненависть! Кого, Беатрис, и за что?

– Леди Марианну! Ненавижу за то, что она украла у меня твою любовь! – ответила я, задыхаясь от гнева.

Гай смерил меня странным взглядом и, холодно улыбнувшись, покачал головой:

– Успокойся, Беатрис! У тебя нет причин ненавидеть ее.

– Почему? – враждебно спросила я.

Минуту подумав, Гай сказал:

– Ты уверена, что хочешь знать правду?

Я кивнула. Он с сомнением посмотрел на мой живот, но я не хотела откладывать разговор, раз уж Гай готов снизойти до откровенности. Кто знает, когда еще он заговорит со мной искренно?

– Ну как пожелаешь!

Устало вздохнув, Гай указал на кресло и, подождав, пока я устроюсь в нем, сел напротив.

– Она ничего не крада у тебя, Беа, потому что красть было

нечего. Я никогда не любил тебя. Ни одного дня, ни одной минуты.

От этих жестоких слов, сказанных неожиданно теплым и сочувственным тоном, я онемела и даже не заметила, что он называл меня не полным именем, а как раньше – Беа.

– Зачем же ты женился на мне? – прошептала я, наконец обретя голос.

Гай пожал плечами и глухо сказал:

– Мне было очень одиноко, когда я ее потерял. Я изнемогал и от одиночества, и от боли утраты. Но надо было как-то продолжать жить, без нее. Я долго думал и решил, что лучший способ забыть Марианну – жениться. Почему бы не на тебе, Беа? Ты хороша собой, твой брат стал моим другом, ты родом из влиятельной семьи, твоя мать была плодовита, а я хотел детей. Но очень скоро я понял, что ошибся, страшно ошибся!

– Во мне? – осмелилась я спросить, чувствуя, как сердце сжимается от боли.

Гай бросил на меня долгий взгляд, и я увидела в его глазах боль, созвучную моей.

– Нет, не в тебе, – хрипло сказал он. – Я ошибся в себе, Беа, в том, что смогу забыть ее. Увы, мне это не удалось, как я ни старался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.